

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

***ИЗМЕНЕНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В
КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ
В XX-XXI ВВ.***

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки: 51.04.04 – Музеология и охрана объектов культурного и
природного наследия
образовательная программа магистратуры: «Музейное кураторство»

Выполнила:
студентка 2 курса
дневного отделения
Аброськина Е.В.

Научный руководитель:
к.и.н., ст. преп.
Чебаненко С.Б.

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Российский этнографический музей — крупнейший этнографический музей в Европе и единственный музей в России, обладающий масштабными коллекциями этнографических предметов, характеризующих культуру народов, проживающих на территории России и в пределах ближнего зарубежья.

Этнографический отдел Русского музея изначально был задуман как имперский проект, который был призван демонстрировать национальное многообразие Российской империи, сопредельных ей территорий и стран, населенных славянами. Экспозиция музея в период 1910–1920-х гг. представляла собой пространство, предназначенное для выставления собранных музеем коллекций, экспозиционная же деятельность была второстепенной по отношению к собирательской работе¹. Позднее, понятие экспозиции было переосмыслено, наполнено новыми идеологическими смыслами: она представляла собой сначала инструмент власти в идеологической борьбе², а затем, в позднесоветский период сложилось представление об экспозиции Этнографического музея как об основном информационном канале музея³.

¹ Миллер А.А. Музейная мебель и ее оборудование // Музейное дело, № 2. Ленинград, 1925. С. 16.

² См. подробнее: Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1046. Об экспозиционной направленности Гос. Музея этнографии народов СССР (тезисы докл. Е.А. Мильштейн). 1950 г.

³ См. подробнее: И.И. Баранова «Показ современности в государственном музее этнографии народов СССР [поиски и проблемы]» // Советская этнография. 1981. № 2. С. 25-35.

Целью данного исследования является изучение изменения экспозиции Этнографического музея в условиях социально-культурных трансформаций России. В качестве объекта выступает экспозиция Российского этнографического музея, а предмета – процесс её трансформаций в зависимости от социально-культурных изменений в стране.

Основными хронологическими рамками исследования является период с 1923 по 2012 гг., начиная с открытия первой экспозиции для посетителей и заканчивая одной из последних экспозиций в залах Средней Азии и Южного Кавказа. Первая постоянная экспозиция была открыта в 1923 г., но ее понимание невозможно без рассмотрения дореволюционных музейных выставок и проектов экспозиции, которая должна была открыться в 1916 г. (поэтому в исследовании использованы также источники начала XX в.).

Исследование находится в области исторической музеологии, поэтому основная работа была ориентирована на работу с источниками: формирование корпуса источников, изучение, анализ и введение в научный оборот.

Источниками для данного исследования послужили документы из архива Российского этнографического музея, опубликованные ранее источники, материалы фототеки РЭМ (фонд «История музея»), а также записи бесед с сотрудниками музея.

В качестве источников исследования выступают преимущественно письменные источники. Прежде всего, это тексты тематико-экспозиционных планов. Тематико-экспозиционный план позволяет рассмотреть структуру экспозиции, ее основные разделы, определить какие предметы (или какие виды предметов) были отобраны для презентации. Ряд тематико-экспозиционных планов (чаще всего, послевоенных) имеют текстовую интерпретацию, концепцию экспозиции. Другим важным источником

являются тексты обсуждений и дискуссий тематико-экспозиционных планов. В процессе изучения таких обсуждений (чаще всего это стенограммы и заметки участников дискуссий), становится возможным определить точки зрения сотрудников музея касательно экспозиции, их научные позиции. Эти важные тексты, содержащие в себе «живую речь», позволяют реконструировать научную атмосферу тех лет. Отдельной группой источников являются доклады, представленные на Ученом совете музея, посвященные темам экспозиции и экспозиционного строительства. Такие тексты чаще всего являются предтечами научных статей, но куда более развернутыми, подробными, снабженными исправлениями автора и его заметками. Это позволяет сравнить черновые тексты со статьями. Вспомогательной группой текстов являются письма к заведующей отделом Украины А.Я. Дуйсбург и директору музея Е.А. Мильштейну, которые играют скорее второстепенную роль в исследовании, поскольку не содержат непосредственной информации об экспозиции, но зато позволяют разобраться в механизмах сбора этнографических предметов, которые позднее будут включены в экспозицию.

Также в качестве источников для части исследования, посвященной современному экспозиционному строительству, выступают тексты бесед с сотрудниками музея.

Важным источником для исследования являются также фотографии из фонда «История музея» фототеки РЭМ и эскизы для тематико-экспозиционных планов, хранящиеся в иллюстративном фонде РЭМ.

Историография вопроса имеет неоднородный характер: сформирован целый корпус текстов, написанных преимущественно директорами музея или руководителями отделов (Е.А. Мильштейн, М.В. Сазонова, Т.А. Крюкова, Е.Н. Студенецкая, И.И. Баранова и другие). Эти тексты являются своеобразной «автоисториографией» музея, которая находится в основном фокусе данного исследования: отчеты, тезисы докладов на Ученом совете,

проблемные статьи, ретроспективные исследования, они представляют для нас интерес, поскольку являются непосредственным продуктом эпохи, кроме того, в той или иной степени иллюстрируют собой рефлексию руководителей относительно прошлого музея и динамики его развития. В постсоветский период традицию «автоисториографии» продолжают В.М. Грусман⁴, С.В. Дмитриев⁵, В.А. Дмитриев⁶, Д.А. Баранов⁷, И.И. Шангина⁸, Е.Е. Герасименко⁹, Н.М. Калашникова¹⁰ и другие.

Важным блоком текстов являются исследования, посвященные теме строительства музея, его архитектурного решения, личности архитектора

⁴ Грусман В.М., Дмитриев В.А. Этнографический отдел Русского музея и концепция национального музея // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1.

⁵ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901—1930-е гг.). СПб., 2012.

⁶ Дмитриев В.А. Государственный музей этнографии – свой путь между идеологией и наукой // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2.

⁷ Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология социальных перемен: сборник статей: к 70-летию Валерия Александровича Тишкова / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Эльза-Баир Гучинова, Галина Комарова]. М., 2011. С. 414-429.

⁸ Шангина И.И. Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий //Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С. 12-23.

⁹ Герасименко Е.Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923-1927 гг. // Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С. 336-341.

¹⁰ Калашникова Н.М., Дмитриев В.А. Комплектование – основополагающее направление деятельности Российского этнографического музея // Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С.60-64.

В.Ф. Свиньина: работы З.А. Перскевич¹¹, Г.Н. Романовой¹², М.В. Вороновой¹³, В.Э. Первак¹⁴, А.А. Шокурова-Свиньина¹⁵, А.Н. Копаневой¹⁶.

Отдельным корпусом текстов, повлиявших на данную работу, являются исследования зарубежных авторов, которые затрагивают тему Этнографического музея: Р. Цветковски¹⁷, Ф. Хирш¹⁸, Ф. Бертран¹⁹.

Рассматривая проблему влияния власти на музейное пространство, мы опираемся на тексты Э. Хуппер-Гринхилл²⁰, Т. Беннетта²¹, Ш. Макдональд²², которые в свою очередь применяют концепции Мишеля Фуко в контексте осмысления феномена музея.

¹¹ Перскевич З.А. Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900-1917 // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 64-75.

¹² Романова Г.Н. Горельеф мраморного зала РЭМ // Живая старина. 1999. № 3. С. 43-44. «Он построил наш дом». Выставка к 150-летию со дня рождения архитектора Высочайшего двора Василий Фёдоровича Свиньина // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 117-123. Памятный зал – история проектирования и строительства // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 76-84.

¹³ Воронова М.В. Российский этнографический музей как объект государственной охраны // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 108-116.

¹⁴ Первак В.Э. Реставрация здания Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 103-107.

¹⁵ Шокуров-Свиньин А.А. Неизвестные страницы биографии В.Ф. Свиньина // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 92-102.

¹⁶ Копанева А.Н. Материалы Архива Российского этнографического музея, связанные с деятельностью В.Ф. Свиньина в период строительства здания Этнографического отдела Русского музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 85-91.

¹⁷ An Empire Of Others. Creating ethnographic knowledge in Imperial Russia and the USSR. Edited by Roland Cvetkovski and Alexis Hofmesiter. Central European University Press. Budapest – New York. 2014.

¹⁸ Hirsh F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. New York: Cornell University Press. 2005.

¹⁹ Бертран Ф. Наука без объекта? Советская этнография 1920-30-х гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 165-179.

²⁰ Hooper-Greenhill E. Museums and The Shaping of Knowledge. Psychology Press. 1992.

²¹ Bennet T. The Exhibitionary Complex // Thinking About Exhibition. Ed. Reesa Greenberg, Sandy Narine, and Bruce W. Ferguson. New York: Routledge, 1996. Pp. 81-112. Bennet T. The Political Rationality of the Museum // Continuum: The Australian Journal of Media & Culture. Vol. 3, No. 1, 1990.

²² Macdonald S. Exhibitions of Power and Powers of Exhibition. An introduction to the politics of display // Museums and their Communities. Edited by Sheila Watson. London and New York: Rotledge. 2007. Pp. 176-196.

В целом, историография вопроса достаточно неоднородна. Благодаря исследованиям советского времени, сохранился целый блок информации, посвященный музею в 1930–1970-е гг. В постсоветское время в историографии восполнен большой период в истории создания и развития музея до революции, хотя отсутствуют подробные культурологические исследования, содержащие анализ пространства музея, его пластических изменений на протяжении всего существования: например, анализ значения «зашивания» арок и окон в советское время, отсутствуют исследования, касающиеся художественных росписей на торцах лестниц. Кроме того, историография не содержит в себе стройного, последовательного изучения непосредственно экспозиции музея: экспозиция в исследованиях выступает наравне с хранением и экспедициями музея, специального герменевтического изучения экспозиции музея нет. Она рассматривается как пример, иллюстрация эпохи, но редко выступает основным объектом исследования.

Работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена дореволюционному периоду: история строительства здания музея, архитектурное решение и его влияние на музейное пространство, первое оборудование музея, антропологические манекены, первые выставки и предпосылки создания первой постоянной экспозиции. Вторая глава охватывает советский период истории музея, она поделена на две части: довоенный и послевоенный. Великая Отечественная война выступает линией демаркации в связи с тем, что в отличие от научной деятельности, которая не прерывалась в стенах музея, экспозиционное строительство было остановлено. Экспозиции послевоенных лет отличаются от экспозиций конца 1930-х гг., хотя четкой линией демаркации выступают не военные события, а принятие в 1956 г. генерального плана, который кардинально изменил экспозиционное строительство музея. В целом, вторая глава посвящена первой экспозиции, а также изменениям, которые сопровождали экспозиции 1920-1930-х гг. в связи с изменениями внутри страны. Также в главе освещаются события послевоенного восстановления, волна нового

экспозиционного строительства 1960-1970-х гг., и кризис, который был характерным для многих сфер культурной жизни предперестроечного времени. Третья глава посвящена изменениям в экспозиции музея после распада СССР, а также поиску новых решений, переосмыслению экспозиционного пространства музея и его саморефлексии.

Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на обширную историографию вопроса, тема развития экспозиции была затронута исследователями фрагментарно, не было задачи масштабного рассмотрения изменений экспозиции на протяжении всей истории существования музея. Данное исследование, поставив такой масштабный вопрос, конечно, не может дать на него исчерпывающий ответ, но, смеем предположить, внесет свой вклад в его раскрытие.

Ряд тезисов данной работы прошел апробацию на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович (1916–1992) 26–27 сентября 2016 г. в МАЭ РАН, на конференции «Философия музея: феноменология и аналитика музейного "бума"» 20–22 апреля 2017 г. в Институте философии СПбГУ.

1 глава

Этнографический отдел Русского музея: от идеи до реализации (1902–1917)

1.1 Здание

Этнографический отдел Русского музея императора Александра III являлся частью музея, который должен был стать национальным музеем, презентующим культурное многообразие Российской империи. Импульсом для реализации этого проекта стал именнейший указ Николая II от 14 апреля 1895 года «Об учреждении особого установления по названию Русского музея императора Александра III и о представлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащему к нему флигелями, службами и садом». По замыслу Николая II музей должен был стать памятником Александру III: было запланировано создание Памятного отдела, целью которого было прославлять царя-миротворца и знакомить посетителя с его личностью. Управляющим был назначен Великий Князь Георгий Михайлович, он был ответственным за создание нового музея. Проект активно финансировался государством, поэтому от музея требовался предельный уровень эффективности для реализации государственных идей. Созданному в России накануне Первой мировой войны, Русскому музею в целом и Этнографическому отделу в частности с самого начала была отведена роль одного из механизмов, призванных легитимизировать деятельность государства и обеспечивать стабильность существующей власти посредством контроля над знанием¹. Этнографический музей соответственно должен был заняться презентацией национальной политики Российской империи. Несмотря на то, что у России не было

¹ Hooper-Greenhill E. Museums and The Shaping of Knowledge. Psychology Press. 1992.

внешних колоний (кроме Аляски, от которой Российская империя быстро отказалась), существовали колонии внутренние: «Российское государство колонизировало не только Польшу, Сибирь или Кавказ – оно осуществляло экспансию колониальных методов в собственных внутренних областях, где раздавало латифундии и подавляло восстания. Это повлекло неожиданные культурные последствия: едва сложившись как социальная группа, российские интеллектуалы тоже стали воспринимать эти, казалось бы, хорошо известные им пространства как экзотические и подлежащие изучению»². Таким образом, Этнографический отдел должен был проиллюстрировать все культурное многообразие народов и племен, которые проживают на территории Российской империи в мире и согласии. Безусловно, в данном случае, контроль над знанием находился в руках как властной элиты, которая стояла на верхней ступени управления музеем, так и в руках первых исследователей музея. Как анализирует Р. Цветковски: «Этнографический музей в Петербурге с его фокусом на Российской империи, служил платформой, где этнографические особенности были переведены в модели имперской идентичности, которые регулировали отношения между разными народами в России. Очевидно, миссия этнографических предметов лежала в области трансформации этнографических описаний в имперское знание»³.

Презентация имперского знания требовала особого пространства, поэтому было необходимо построить здание, которое визуально соответствовало бы миссии музея, а также создало бы единый ансамбль с Михайловским дворцом, в котором был размещен Художественный отдел Русского музея. Михайловский дворец был отреставрирован, и архитектору, руководящему реставрацией, В.Ф. Свиньину было поручено изготовить

² «Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России» (А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин). М., 2012. С. 15.

³ Cvetkovski R. Empire Complex: Arrangements in the Russian Ethnographic Museum, 1910 // An Empire Of Others. Creating ethnographic knowledge in Imperial Russia and the USSR. Edited by Roland Cvetkovski and Alexis Hofmesiter. Central European University Press. Budapest – New York. 2014. P. 214.

эскизный проект здания, в котором разместятся Этнографический и Памятный отделы. В.Ф. Свиньин предложил не один проект, а два, второй был более полным и представлял собой не только парадную часть здания, но и помещения для фондохранилища, лабораторий, кабинетов для научных сотрудников. Между тем, в связи с проведением военных действий на фронтах Русско-японской войны, бюджет был урезан, и удалось реализовать лишь первый проект В.Ф. Свиньи́на.

Музей В.Ф. Свиньи́на был задуман как музей-храм. Выбранный неоклассический стиль помог новому зданию не выделяться и одновременно не проигрывать на фоне Михайловского дворца. Рассуждая об архитектуре музея, позволим себе процитировать немецкого исследователя Карстена Шуберта, который, рассуждая о музеях Франции, писал: «Внешний вид здания подготавливал посетителя к тому, что ждет его внутри. Архитектура говорила о содержании музея, артикулируя культурную иерархию, установленную внутри него»⁴. Именно такая задача стояла перед В.Ф. Свиньи́ным – здание должно было всем своим видом демонстрировать величие имперской власти. Задача была непростой, в отличие от Художественного, Этнографический отдел требовал совершенно нового пространства, кроме того специально предназначенного для музейного экспонирования. Нельзя сказать, что это был первый подобный архитектурный проект в Петербурге, и до него создавались специальные музейные здания (например, музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) или нынешний музей прикладного искусства Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица). Но символическое значение Этнографического отдела для государства было, безусловно, выше.

Изначально для размещения Этнографического отдела архитектор планировал использовать здания, находящиеся на пересечении ул. Садовой и

⁴ Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М., 2016. С. 191

ул. Инженерной, построенные в России, но они никак не подходили для своей цели, и было решено снести старые постройки и построить новое здание. В.Ф. Свиньин старался сохранить для истории внешний облик флигелей России путем фотофиксации, а также стараясь передать хотя бы отчасти стиль старого здания в новом⁵.

Надо отметить, что, работая над проектом, В.Ф. Свиньин совершил две зарубежные поездки для того, чтобы осмотреть некоторые музеи Европы⁶.

Дошедший до нас конечный вариант замысла Свиньиного – отнюдь не тот проект, который он задумывал изначально. Строительство музея постоянно задерживалось, экономический кризис, увеличение стоимости работ способствовали постоянной переделке проекта архитектора. Этнографический и Памятный отдел было решено объединить: логика, по мнению устроителей, не была бы нарушена, поскольку Памятный отдел должен был прославлять мощь и величие Российской империи, а Этнографический наглядно бы демонстрировал обширность и разнообразие страны. Таким образом, неслучайно, что Мраморный зал Этнографического отдела, которому суждено было на время стать Памятным отделом, в качестве украшения получил горельеф «Народы России».

Музей был призван демонстрировать свою политическую миссию, как при помощи масштабности здания, так и при помощи декора фасада, в который были заложены самые разные имперские символы. Парадный вид формировал для посетителя ощущение дворца, храма, пространства, наделенного высоким статусом и глубоким значением.

На карнизе фасада была установлена скульптурная композиция «Афина – покровительница искусств и ремесел», которую создал скульптор

⁵ Перскевич З.А. Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900-1917 // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 67.

⁶ Подробнее о строительстве музея: Перскевич З.А. Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900-1917 // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1.

М.Я. Харламов по настоянию великого князя Георгия Михайловича⁷. Несомненно, заимствованный из традиции ранних периодов, образ Афины на портале Этнографического музея свидетельствует как о связи с античной традицией мусейонов, так и о влиянии общегородской традиции украшения высокостатусных зданий.

Фрагменты лепного фриза, на котором изображены разные исторические символы Российской империи, дополняют символизм зданию: многофигурные композиции, изображающие античных мужей, щиты с гербами, свитки и книги, музыкальные инструменты, факелы с лавровыми и дубовыми ветвями, а также египетские мотивы в виде изображений голов фараонов над главным входом, которые помещены в венок с лентами и цветами. Подобные сюжеты характерны для неоклассицизма, чьей целью было придерживаться уже сформировавшихся классических канонов и развивать их, но нельзя не отметить некоторую эклектичность и сумбурность фасадного оформления. Создается впечатление, что за рядом образов не стоит ничего, кроме желания продемонстрировать пышную символику Империи.

Здание Этнографического отдела, построенное в соответствии с последними достижениями отечественной инженерии начала XX в., освещается не только при помощи искусственного света, но и посредством световых фонарей, которые были сделаны из металлических конструкций и хрустального стекла с изображениями двуглавых орлов с дубовыми листьями. Тем самым, складывается впечатление, что даже солнечный свет должен был проникать в помещение через имперскую призму.

Внутри музея безусловной архитектурной доминантой становится Мраморный зал, который находится в непосредственном фокусе посетителя, перешагнувшего порог музея. Облицованный мрамором и украшенный

⁷ Романова Г.Н. История строительства здания Этнографического музея // Российский этнографический музей (1902-2002). СПб., 2001. С. 13.

горельефом, он отделен от пространства аванзала ступенями, тем самым сообщается более высокий статус этого зала по сравнению с остальным пространством музея. Согласно замыслу устроителей, в центре Мраморного зала должна была быть установлена статуя Александра III, фоном которой служит горельеф «Народы России», призванный проиллюстрировать многонациональность империи и её процветание. Между тем, если рассмотреть горельеф, то формируется представление о том, что основным мотивом изображения является не столько иллюстрация безоблачной благополучной жизни народов, сколько странничество, миграции, дорога. Г.Н. Романова предполагает, что «так отразилась здесь столыпинская реформа, массовое переселение крестьян в Сибирь и другие районы, миграция населения в города, на заработки»⁸. Самые разные этнические группы, изображенные на горельефе, имеют в своем составе и представителей русской нации, тем самым показывается высокая значимость русского влияния на все остальные народы империи. Стоит обратить внимание на торцевую сторону зала, которая отведена народам Кавказа: «все проникнуто духом веселья, изобилия. Это центр горельефа и зала; именно здесь на фоне жизнерадостных благополучных подданных, должен был стоять памятник Александру III»⁹. Интересным маркером эпохи является тот факт, что на горельефе молодые художники изобразили Л.Н. Толстого, к тому моменту находящегося в опале власти и церкви. Несмотря ни на что, горельеф прошел три проверки и был утвержден, скорее всего, изображение Толстого просто не заметили¹⁰. В целом, динамичность сцен, читаемость образов, удобное расположение горельефа Мраморного зала направлены на привлечение внимания и формирование определенного представления о многонациональности Империи.

⁸ Романова Г.Н. Горельеф мраморного зала РЭМ // Живая старина. 1999. № 3. С. 43.

⁹ Романова Г.Н. Горельеф мраморного зала РЭМ // Живая старина. 1999. № 3. С. 44.

¹⁰ Из беседы с Г.Н. Романовой. 22.11.16.

Помимо Мраморного зала, важную роль играет остальное пространство музея, предназначенное для Этнографического отдела. Аванзал и два крыла музея плавно перетекают друг в друга. Высокие потолки аванзала, украшены росписью, насыщенной символами имперской власти, добавляют ощущение физической незначительности того, кто пришел в музей, по сравнению с могуществом империи, которую олицетворяет музей.

Правое и левое крыло, содержащие два этажа с галереей, соединяются между собой аванзалом, освещаются при помощи световых фонарей. Их архитектурное решение предельно лаконично – ничего лишнего, отсутствуют и роспись, и лепнина. Здесь архитектор посчитал важным сделать пространство максимально рациональным, при этом светлым и полным воздуха: залы лишены дверей, их разделяют только арки, что добавляет экспозиции как воздушности, так и смысловой нагрузки – складывается впечатление, что народы Империи проживали между собой также легко и бесконфликтно, как это отражается на перемещении посетителя по залам. Важно отметить, что у архитектора В.Ф. Свиньина был собственный взгляд на размещение экспозиций в отделе: «Фасад по Инженерной улице изображает южную часть России, левый флигель – западную, правый – восточную, фасад по линии сада Музея – полярную окраину. Центр Музея, в постепенности переходов от юга к северу, от запада к востоку, будет занят русскими племенами, окружая со всех сторон Памятный отдел; верхний этаж, предназначенный для стран Востока и славянства, не может быть расположен так систематично, как нижний, ибо предназначен для слишком различных народностей и их культур»¹¹.

В целом, с архитектурной точки зрения музей представляет собой идеальное дисциплинарное пространство, в котором сосуществуют две части: скрытая, внутренняя, где формируется знание и где содержатся

¹¹ Цит. по: Перскевич З.А. Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900-1917 // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. С. 70.

властные музейные структуры, и внешняя, большая, которая служит экспозиционным пространством, а также местом, за которым легко наблюдать¹².

Лестницы музея, размещенные в торцах экспозиционных залов, планировались архитектором иначе: ему хотелось разместить главную лестницу по центру, но пожертвовать Аванзалом и свободным проходом в Памятный зал было невозможно. Между тем, изолированная лестничная клетка, по мнению В.Ф. Свиньина, была слишком примитивной, он считал ее оторванной, искусственно встроенной по сравнению с остальным музейным пространством.

1.2 Оборудование

Важным для экспозиционного облика будущего музея был выбор мебели для экспонирования. Она была заказана в Германии. Как сказано в «Объяснительной записке к заявке на переоборудования музея» в 1946 г.: «Известно, что музей был оборудован специально сконструированной железной и деревянной мебелью для экспозиции. Конструкция ее была создана в результате изучения и улучшения существовавшей в то время (1910-12 гг.) экспозиционной мебели в музеях Стокгольма, Копенгагена, Берлина, Вены, Брюсселя, Парижа и Лондона»¹³. Действительно, дрезденская музейная мебель представляла собой классику музейного дизайна на тот период: ничего лишнего, лаконичная, герметичная, она представляла из себя большие, средние, малые шкафы, а также витрины и щиты. Металлическая конструкция держала большие стекла, имела темный цвет, тем самым максимально способствуя концентрации внимания посетителя на предмете.

¹² Этой идеей мы следуем за М. Фуко и Т. Беннетом, наложившим идеи Фуко на музейное пространство: Bennet T. *The Exhibitionary Complex // Thinking About Exhibition*. Ed. Reesa Greenberg, Sandy Narine, and Bruce W. Ferguson. New York: Routledge, 1996. P. 82.

¹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 930. «Объяснительная записка к заявке на переоборудование музея экспозиционной мебелью, утраченной во время Отечественной войны; список и чертежи мебели», 1946 г. Л. 1-Л. 1 (об.)

Занимавшие проемы шкафы, благодаря полному застеклению шкафа, позволяли проникать через них свету.

Данная мебель была выбрана музеем неслучайно: в 1897 г. этнографу Д. Михайлову было поручено проанализировать отечественный и зарубежный музейный опыт для составления в дальнейшем отчета, который мог повлиять на строительство будущего национального музея. Посетив отечественные музеи и музеи Европы, Михайлов подробнее всего останавливается на Королевском музее народоведения, который на тот момент возглавлял немецкий этнолог Адольф Бастиан. Описывая музей, Михайлов в своем отчете пишет и о мебели. С.В. Дмитриев, который первым проанализировал результаты работы Михайлова, пишет: «В Берлинском музее была прекрасная мебель. Д. Михайлов указывает на модель, которую можно было получить у мастера, изготовлявшего мебель – Бенекке (Berlim, Mittelstrasse 16/17), и подробно останавливается на ее достоинствах (в т.ч. в борьбе с молью, пылью и т.д.) и на принципах ее размещения, а также подробно рассматривает организацию работы музейного персонала»¹⁴. Не обходит стороной Михайлов и манекены, он пишет, что они играют очень важную роль в музейном показе, и также отмечает, что «фигуры и целые группы лучше хранить в шкафах» по примеру музеев, посвященных неевропейским народам. Он отмечает важность света: «можно устроить шкаф с двумя источниками света: спереди и сверху; с четырьмя – сверху, спереди и по сторонам»¹⁵, «на некоторых шкафах, в которых хранятся вещи, изменяющиеся в цвете от солнечных лучей, можно снаружи приделать шторы»¹⁶. Интересно, что Михайлов, опережая время, указывает на важность

¹⁴ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб., 2012. С. 65.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

научно-вспомогательного фонда при наполнении экспозиции: «в витринах можно поместить таблицы, снимки с местностей»¹⁷.

Отчет Михайлова, судя по фотографическим снимкам первых пробных экспозиций, повлиял на оформление залов и шкафов. Мебель, подготовленная для экспозиций музея, представляла собой деревянные шкафы, щиты и рундуки, которые были созданы в едином стиле: «Они были сделаны из темного дуба и обтянуты специально изготовленной суровой тканью с крупным переплетением. Шкафы и щиты располагались в определенном порядке, создавая четкий ритм, повторявшийся во всех залах. Одинакова была обивка щитов и подставок, осветительная арматура»¹⁸.

1.3 Манекены

Работа над первой экспозицией музея началась уже в 1910-е гг., когда были собраны, приобретены первые коллекции. Для музея также были изготовлены антропологические манекены – в полный рост, выполненные из папье-маше и раскрашенные красками, они воспроизводили характерные черты антропологического облика разных народов. Традиция использования антропологических манекенов в музеях России старая: их использовала на своих экспозициях Кунсткамера, а также Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1867 г. на Первой этнографической выставке¹⁹.

Изготовлением манекенов занимался специальный отдел в музее – манекенная мастерская. Согласно Докладной записке о мастерских Этнографического отдела Государственного Русского музея: «Мастерские

¹⁷ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб., 2012. С. 68.

¹⁸ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 19.

¹⁹ Эти манекены потом поступили в Дашковский этнографический музей. Подробнее: Шангина И.И. Вещевой фонд Музея народов СССР в Российском этнографическом музее: опыт источниковедческого анализа // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2.

Этнографического отдела основаны после сентябрьского наводнения 1924 г., однако скульптурные работы по лепке частей человеческих фигур (голов, рук, ног, туловищ), гипсовой формовке и выклейке из бумажной массы полуфабрикатов, из которых производилась сборка манекенов, началась при первоначальной экспозиции в залах только что законченного постройкой здания Этнографического отдела. с Апреля 1903 года по середины Мая 1917 г.»²⁰. Манекенная мастерская обеспечивала манекенами все четыре отдела музея. Они представляли собой стоячие мужские, женские и детские фигуры с опущенными руками и использовались для демонстрации одежды. Позднее начали изготавливать и сидячие фигуры. Кроме того, «создан был стандартный тип манекена, рост которого регулировался размерами одежды»²¹. Основное внимание при изготовлении манекена уделялось голове: необходимо было передать усредненный антропологический тип того или иного народа: «Головы лепили либо с натуры, либо используя специально сделанные во время экспедиций зарисовки, обмеры и фотографии»²².

Судя по фотографии, датируемой 1912-1913 гг., на которой изображены первые манекены²³, изготовленные в мастерской музея, они отличались от антропологических манекенов Кунсткамеры: для их изготовления не использовались натуральные волосы, стеклянные глаза²⁴, а выбранные для раскрашивания цвета были достаточно нейтральными. Такая разница, возможно, связана с тем, что Кунсткамера, как музей не только этнографический, но и антропологический, стремилась показать физические

²⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. «Докладная записка и ведомость о подготовительных работах по открытию Этнографического отдела». 1921. Л. 1.

²¹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 431. «Докладная записка и ведомость о подготовительных работах по открытию Этнографического отдела». 1921. Л. 1.

²² Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 20.

²³ Российский этнографический музей (1902-2002). СПб., 2001. С. 28.

²⁴ Хартанович М.В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 118.

различия народов наравне с предметами материальной культуры. По мнению Т.А. Крюковой и Е.Н. Студенецкой подобный выбор Этнографического музея был обусловлен «правильным пониманием служебного значения манекенов, стремлением не отвлекать посетителя от подлинных экспонатов»²⁵.

1.4 Первые выставки Этнографического отдела

В 1909 г. открывается первая выставка музея, она должна была продемонстрировать первые экспедиционные привозы Этнографического отдела. Выставка имела закрытый характер: были приглашены только специалисты. На немногочисленных фотографиях²⁶, которые сохранились с отчетной выставки, видно, что предметы плотно размещены по стенам (имитируя шпалерную развеску художественных музеев), сгруппированы, видимо, по типу предметов. Также на фотографии, иллюстрирующей экспедиционный сбор первых сибирских коллекций, виден манекен – сидящий на нарте оленевод, за ним располагается установленный чум. Остальные костюмы надеты на манекены, напоминающие портновские. В целом, выставка была призвана ознакомить с приобретенными этнографическими предметами и рассчитана исключительно на специалистов, она не имела никакой специальной концепции или разработанного дизайна. Предметы должно было быть удобно рассмотреть и сравнить.

Начало строительства первой постоянной экспозиции совпало с началом Первой мировой войны. Анализируя фотографии пробных экспозиций музея, которые строились в 1909-1913 гг.²⁷, можно отметить некоторые закономерности. Во-первых, экспозиционные шкафы представляют собой иллюстрацию к отчетам Д. Михайлова: манекены

²⁵ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 20.

²⁶ Фототека РЭМ. Фонд «История музея». ИМ 5-1, ИМ 5-2.

²⁷ Фототека РЭМ. Фонд «История музея». ИМ 3-2, ИМ 3-5, ИМ 3-7, ИМ 3-13.

помещены в шкафы, помимо них в пространстве также находятся самые разные предметы, связанные с хозяйством, обрядностью, здесь же могут быть музыкальные инструменты. Экспонаты располагаются у ног манекена, подвешиваются, прикрепляются к щиту за манекеном. Предметы типа покрытий (ковры, циновки и т.д.) часто играют роль фона для манекена и остальных предметов.

Интересно, что пространство на шкафу также заполняется, чаще всего массивными предметами: например, большими плетеными корзинами, коробами. Возможно, что такое наполнение каждого свободного участка в шкафу и на нем говорит об отсутствии фондохранилищ, о том, что собранные предметы старались сразу же разместить на экспозиции по той причине, что их было негде или очень трудно хранить. Кроме того, оснащение музея из-за трудностей в финансировании затянулось до начала 1915 г., поэтому порой, возможно, не хватало еще и оборудования.

При размещении предметов в шкафу или на щите руководствовались, вероятно, типологическим методом²⁸, кроме того, при размещении однотипных предметов стремились к максимальной симметрии показа, которая, видимо, казалась визуально притягательной. В основу экспозиции легла эволюционистская теория, предметы размещались таким образом, чтобы можно было убедиться в развитии и вариативности форм.

Музей должен был открыться для посетителей в июле 1916 г., но открытие было перенесено в связи с политической нестабильностью в стране, а в сентябре 1917 г. экспозиция музея была разобрана и эвакуирована согласно постановлению временного правительства. Большая часть экспонатов была вывезена в Москву – в Большой Кремлевский дворец и в Оружейную палату. Вернулись предметы в музей только в конце 1920 г.

²⁸ Ярким примером может послужить щит «Орудия труда и предметы утвари Дагестана» (ИМЗ-2), который отсылает нас к типологическому методу показа музея Питта-Риверса в Оксфорде.

Начальный этап формирования экспозиции музея занял длительный срок: строительство здания, которое было задумано еще в конце 1890-х гг., составило почти десятилетие. Сбор предметов и их пробная презентация шли бок о бок с наполнением музея нужным оборудованием. Несмотря на то, что музей был имперским проектом, и ему уделялось большое количество внимания со стороны высокопоставленных лиц, музей постоянно нуждался в финансировании, которое ему постепенно сокращали. Однако, несмотря ни на что, музей должен был стать образом процветающей Российской империи. Время распорядилось иначе, экспозиция музея открылась для публики лишь в 1923 г., и хотя, по мнению исследователей, она «являла собой реэкспозицию прежней»²⁹, фокус показа был уже иной.

²⁹ Герасименко Е.Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923-1927 гг. // Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С. 337.

2 глава

Экспозиция музея в советский период (1917–1991)

2.1 Подготовка к открытию первой экспозиции

В 1923 г. Этнографический отдел впервые открывается для посетителей. Согласно докладной записке, открытие Этнографического отдела было возможно двумя годами ранее. Заведующий отделом, выдающийся ученый Александр Миллер¹ писал: «Представляется возможным в течение лета этого года организовать и закончить работы, а осенью и открыть для обозрения Этнографический Отдел Русского Музея»². Для этого, согласно ведомости, было необходимо провести ряд действий. Музею требовались столярные, обойные, слесарные работы³. Все это неслучайно: период с 1914 по 1921 гг. был сложным как для страны, так и для музея. Здание Этнографического отдела находилось в плохом состоянии: «Здание требовало ремонта, крыша протекала, водопроводная сеть пришла в такую негодность, что вода постоянно заливала хранилища, отсыревшие помещения не отапливались в связи с отсутствием дров»⁴. Подобная ситуация в музее сказывалась на предметах – экспонаты гнили. В стране царила политическая и экономическая нестабильность, которые грозили не только Этнографическому отделу, но и музеям страны в целом. Очень многое зависело от сотрудников музея: после 1917 г., некоторые из них эмигрировали

¹ Он также занимал должность директора музея, которая была создана в 1918 г. А.А. Миллер с 1907 г. был назначен зав. отделом Кавказа; в 1914-1916 гг. занимался работами по устройству Этнографического отдела. В 1933 г. – Миллер был арестован по подозрению в ведении национал-фашистской пропаганды и использовании в этих целях возможности научной и музейной работы.

² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. «Докладная записка и ведомость о подготовительных работах по открытию Этнографического отдела». 1921. Л. 1.

³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. «Докладная записка и ведомость о подготовительных работах по открытию Этнографического отдела». 1921. Л. 2.

⁴ Шангина И.И. 1914-1921 // Российский этнографический музей (1902-2002). СПб., 2001. С. 30.

(например, Н.М. Могилянский⁵, Д.И. Толстой⁶), на их место пришли новые сотрудники (например, Д.А. Золотарев) и после 1921 г., когда была проведена реорганизация штата, в музее находились заведующий отделом, четыре заведующих отделениями и четыре штатных научных сотрудника. Экспозиция, которая должна была открыться для посетителей в 1916 г., была вывезена в Москву.

Когда коллекции были возвращены, необходимо было время для восстановления прежнего ритма музейной жизни: «В отчете о работе отдела за 1922 г. говорилось: “При отсутствии средств на удовлетворение самых неотложных потребностей отдела, его личному составу, крайне малочисленному и материально совершенно необеспеченному, стоило чрезвычайных усилий поддерживать жизнь столь сложного по своим задачам и их выполнению государственного учреждения, каким является Этнографический отдел”»⁷.

Официальное открытие экспозиции музея состоялось уже при новом заведующем Сергее Ивановиче Руденко⁸ 3 июня 1923 г.⁹ Экспозиция «Народы СССР» представляла собой размещенные в 30 залах 66 тыс. экспонатов, которые были собраны до и после революции. Также был добавлен научно-вспомогательный материал (карты, фотографии, схемы).

⁵ Этнограф, с 1901 г. работал в Русском музее в должности хранителя, позднее в 1910 – заведующего Этнографическим отделом. Принадлежит по политическим взглядам к кадетам, после победы большевиков, уезжает из России сначала на Украину, потом во Францию, Чехословакию.

⁶ Был товарищем управляющего Русским музеем им. Императора Александра III, после расстрела великого князя Георгия Михайловича, управляющего Русским музеем, эмигрирует из страны. По сведениям КС при Временном правительстве был управляющим музеем. С. 11

⁷ Цит. По: Шангина И.И. Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий //Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С. 14.

⁸ С.И. Руденко сменил на посту А.А. Миллера, который занял пост заведующего отделом Кавказа. Он пробудет директором до своего ареста в 1930 г.

⁹ Уже с июля 1921 г. открылись залы отделений Украины, Белоруссии, зарубежных славян, Сибири, Дальнего Востока; см. Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С 16-17.

Экспозиция музея была разделена на части, репрезентирующие разные территории России и рассказывала с разной степенью полноты о жизни 80 народов. Основной единицей показа стала народность. Русским, как наиболее значимому народу, было отведено три больших зала: один для северных областей, два других – для южных и центральных. Украинцы, как следующие по численности и значимости, заняли два больших зала. Белорусы были представлены вместе с литовцами, латышами и евреями. На экспозиции оказались представлены народы Южного Кавказа, народы Сибири, а также отдельно был показан буддизм¹⁰.

При построении экспозиции доминировал научный взгляд: в основу концепции ложатся идеи культурных связей и языковой близости разных народов, рефлексия на географические условия проживания народов.

Экспозиция представляла собой показ этнографических предметов, бытовавших с середины XIX века: шкафы с манекенами, щиты с предметами быта, средства передвижения, макеты жилища. Любопытно, что экспозиционеры показывают не только автохтонные народы, но и, например, русских поселенцев: в сибирском зале находился шкаф, посвященный марковцам – малочисленной группе русских переселенцев, которая проживала в с. Марково и поселениях рядом с ним в Анадырском районе Чукотского АО.

На экспозиции отдельной темой был представлен буддизм, это было связано с наличием богатых коллекций музея по данной теме. На экспозиции были представлены жертвенный стол и манекены, изображающие фигуры монахов. При этом текст экскурсии был нейтральным: краткое понятие о Будде и его учении, разделение на северный, фойзм и южный буддизм, храм как центр культа в религии бурят и монголов. Как пишет С.В. Дмитриев:

¹⁰ С.В. Дмитриев пишет, что «Коллекция кн. Э.Э. Ухтомского была широко представлена на Первой буддийской выставке в Петербурге в 1919 г. Также она составила основу постоянной буддийской экспозиции, открытой в 1921 г.». См. подробнее: Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб., 2012. С. 325.

«Коллекции Буддийской Секции помещались в XXXII зале. При входе в него стояли два стража, обычно являющиеся хранителями врат храма. В самом зале большим числом бурханов – живописных или литых, лепных, резных, штампованных статуэток – был представлен богатейший пантеон ламаизма в его главнейших представителях – буддах, бодхисаттвах, святых, докшитах и др. Живописные бурханы, образа, писанные на холсте, бумаге и дереве, размещенные на щитах, представляли жизнь Будды Шакьямуни от его снисхождения с неба Тушита до великой нирваны и чудотворения Будды»¹¹.

Экспозиции конца 1920-х гг. отличались от более ранних: «1927 год отмечен как поворотный момент в Этнографическом отделе и других культурных институциях Советского союза. В честь десятилетнего юбилея Октябрьской революции, партия и Наркомпрос организовали специальные события в музеях и театрах Москвы, Ленинграда и других городов»¹². Происходит общая идеологизация всей отраслей культурной деятельности страны в контексте закрепления легитимации советской власти. Так, в апреле 1927 г. музей посещает группа активистов Политпросвета, которая раскритиковала экспозицию «Народы СССР», слишком акцентирующую, по мнению активистов, свое внимание на экзотизации культур других народов, а также не презентующую советизацию страны¹³.

Благодаря этим социально-культурным трансформациям, происходит изменение облика и смысла экспозиции, новые идеологические смыслы накладываются на экспозиционное пространство при помощи экспозиции. Например, в зале, посвященном финнами, был представлен «рундук с

¹¹ Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб., 2012. 130.

¹² Hirsh F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Cornell University Press. New York. 2005. P. 197.

¹³ Там же. P. 198.

рыболовными принадлежностями и сети подвешанные в зале»¹⁴. Тезисы экскурсовода свидетельствовали: «Рыболовство на Мурмане. Способы рыбной ловли. Особенности морской рыбной ловли. Системы «покрута» при царизме. Эксплоатация хозяевами рыбаков. Трудности морского рыболовства. Советские мероприятия по усовершенствованию рыболовства. Траллера»¹⁵. А шкаф с одеждой западных финнов должен был осветить как тему одежды, так и «молочного хозяйства» и «электрофикации».

Существовали разные виды экскурсий. Так, типовая экскурсия содержала в себе следующие пункты: «1. Место занимаемое данной народностью и ее этнической группе, физический тип. 2. Политическое устройство и границы. Географическое положение страны. Климат, почва, растительность, животный мир. 3. Экономические возможности, природные богатства /недра/. 4. Исторические судьбы. 5. Современное состояние культуры данной народности, занятия, быт, социальный строй, духовная культура. 6. Выяснение по пройденному материалу причин, обуславливающих данную культуру. 7. Возможные изменения и улучшения в развитии данной народности. 8. Политика Советской власти и Империалистических стран»¹⁶.

Если говорить об идеологическом наполнении, то экскурсия должна была освещать следующие темы: «1. СССР – результат победы Октябрьской пролетарской революции. 2. СССР до революции и после Революции. 3. Национальная политика СССР. 4. Пестрота населения и разнообразие степеней культур входящих в состав СССР. 5. Природные богатства СССР и

¹⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Общий план экскурсий по музею, программы и тезисы экскурсий «Народы СССР». 1923-1932. Л. 19 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Общий план экскурсий по музею, программы и тезисы экскурсий «Народы СССР». 1923-1932. Л. 9.

их использование при Царском Правительстве. 6. Как строит хозяйство СССР»¹⁷.

Особо стоит отметить экскурсию «Труд и положение женщины в СССР»¹⁸, которая должна была рассказать о женщине у примитивных и развитых земледельцев (Белоруссия, Украина, Великороссия), в восточном городе и у кочевников (Туркестан), у охотников и рыболовов (Сибирь).

Проанализировав тексты экскурсий можно сделать вывод, что экспозиция, которая была достаточно нейтральной, постепенно наполнялась идеологическими смыслами при помощи экскурсий¹⁹. При этом отсутствие, например, презентации классовых различий в быте народов свидетельствовало, по мнению Т.А. Крюковой и Е.Н. Студенецкой о «недостаточном уровне этнографии как науки, которая на тот момент еще не встала на марксистские рельсы»²⁰.

2.2 Осмысление музейного опыта Б.Г. Крыжановским

В 1926 г. в четвертом выпуске «Музейного дела» вышла статья заведующего отделением Украины Б.Г. Крыжановского «Принципы экспозиции этнографического музея», в которой он обобщил музейный опыт построения экспозиции. Этот текст раскрывает особенности показа этнографического материала. Б.Г. Крыжановский поднимает такие важные вопросы как природа музейного предмета (он должен быть оригинальным и

¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Общий план экскурсий по музею, программы и тезисы экскурсий «Народы СССР». 1923-1932. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Подробнее об экскурсиях конца 1920-х гг. см.: Hirsh F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Cornell University Press. New York. 2005. Pp. 200-204.

²⁰ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 18.

бытовавшим), специфика научно-вспомогательных материалов (эстампажей, муляжей и т.д.), автор отдельно останавливается на фотографии, манекенах, оборудовании, на важности освещения, на правильном выборе фона для предметов и т.д. Наряду с положениями, которые являлись актуальными и до революции (например, оригинальная природа музейного предмета, о которой говорил еще первый заведующий Этнографического отдела Д.А. Клеменц), появляются совершенно новые взгляды на метод показа музейного предмета: «Нужно избегать помещения на выставку многочисленных видоизменений одного и того же инструмента или вариантов изделий»²¹. Б.Г. Крыжановский пишет о необходимости показа «эволютивных рядов»: «Устойчивость основных форм и постепенность их изменения дает возможность рядом с описанной выставкой по локальным типам костюма сделать сравнительную выставку отдельных частей одежды и построить эволютивные ряды»²². В целом, основная концепция показа разных народов СССР базировалась на эволюционизме – представлении о примитивных (например, народы Сибири) и развитых (например, русские или украинцы) народностях.

Отдельно стоит отметить, что Б.Г. Крыжановский поднимает вопрос «жизни» в экспозиционном пространстве. Рассуждая о фотографии, он говорит, что, помимо того, что она призвана показать бытовые сцены из жизни, тем самым разнообразив экспозицию, фотография также оживляет выставку и «хотя бы отчасти возвращает увезенные в музей предметы к их нормальной обстановке»²³. Таким образом, можно сделать вывод, что проблема «искусственности», «ненормальности» музейной экспозиции по отношению к реальной жизни действительно была осмысленна, и что подобную «ненормальность» старались максимально преодолеть. Об этом же свидетельствует замечание Крыжановского относительно манекенов,

²¹ Крыжановский Б.Г. Принципы экспозиции этнографического музея // Музейное дело, вып. IV. Л., 1926. С. 7

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 5.

которые, по его мнению, должны находиться в статичных позах, а не в движении: «фигура человека среди своей бытовой обстановки застывшего в момент движения, всегда производит неприятное и искусственное впечатление. По этой причине невозможны «мертвые» воспроизведения свадебных или ярмарочных сцен и т.п., так как они оказываются лишенными живости, движения и шума, характерных и неизменно сопутствующих им»²⁴.

Помимо рассуждения о специфике этнографической экспозиции в целом, Б.Г. Крыжановский рассуждает и о более частных сюжетах, и в этих рассуждениях раскрывается его представление о более широких музеологических вопросах. Так, раскрывая тему музейного оборудования, Крыжановский пишет, что громоздкие предметы необходимо располагать в открытом хранении, таким образом, чтоб их можно было обойти со всех сторон, но при этом нельзя располагать предмет на полу, необходимо разместить его на подставке-рундучке. Такое символическое разграничение пространства, формирование для музейного предмета специального, пусть и открытого, места, свидетельствует о рефлексии на особую природу музейного экспоната: борона, которая была в употреблении много лет и хранилась на земле в сарае, и борона, которая стала экспонатом, частью коллекции и музейным предметом на экспозиции – совершенно разные предметы, их символическая природа меняется в зависимости от контекста, в котором тот начинает фигурировать.

Б.Г. Крыжановский также говорит о расширении направлений комплектования музейных коллекций: необходимо презентовать палеоэтнографию (особенно, на примере «примитивных» народов Сибири), мещанскую культуру (те ее элементы, которые сохранили крестьянские, народные проявления), а также «экземпляры, которые по формам сближаются с соответствующими предметами других племен»²⁵. Таким образом,

²⁴ Там же. С. 11

²⁵ Крыжановский Б.Г. Принципы экспозиции этнографического музея // Музейное дело, вып. IV. Л., 1926. С. 14.

проанализировав текст Б.Г. Крыжановского можно сказать, что основные положения текста были достаточно универсальными и использовались в той или иной степени при построении экспозиции на протяжении всего советского периода. Скорее всего, это связано с тем, что Б.Г. Крыжановскому удалось объединить в своей работе весь опыт Этнографического отдела.

2.3 Изменения в музейном деле и их влияние на Этнографический музей

В 1928 г. выходит постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в Р.С.Ф.С.Р.»²⁶, которое свидетельствует, что «в музейном деле наблюдается целый ряд организационных недостатков, рутинность и неудовлетворительное, с точки зрения стоящих в порядке дня задач социалистического строительства, идеологическое содержание, что объясняется, главным образом, недостатком соответственно подготовленных музейных работников, а также недостаточностью материальных средств». «Неудовлетворительное идеологическое содержание» было характерным и для Этнографического отдела. В 1928 г. разрабатывается пятилетний план музея, который включает в себя и многоуровневые работы по изменению экспозиции. В целом, экспозиционная работа становится одной из самых важных, остальная деятельность музея будет исходить из нужд экспозиции, для которой специально собирались недостающие вещи, изготавливались научно-вспомогательные материалы и т.д.²⁷ Начиная с 1928 г., происходит постоянное изменение в экспозиционном пространстве: переделываются щиты, добавляются фотографии, происходит реэкспозиция (например, залов Украины в 1929-1930 гг.²⁸), планируются антирелигиозные выставки

²⁶ Оно было дополнено 12 статьями в 1930 г. (см. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. «О дополнении статьей 12 постановления ВЦИК и РСФСР о музейном строительстве РСФСР»)

²⁷ Шангина И.И. Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий //Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002. С. 16.

²⁸ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 266. Планы экспозиционной и экспедиционной работы Этнографического отдела Русского музея на 1928-1932 гг. Л. 1

(например, приуроченные к Пасхе). Кроме того, активно строятся новые экспозиции, разные по размеру, сложности, генезису: «Украинское село до и после Октября» (1931), «Белоруссия и БССР» (1932), «Народы Саяно-Алтая в прошлом и настоящем» (1932), «Узбеки XIX-XX вв.» (1934-1935), «Карелия и Кольский полуостров» (1935), «Русское население черноземных областей» (1936), «Эвенки в прошлом и настоящем» (1937-1938), «Чукчи» (1937-1938), «Туркмены. XIX-XX вв.» (1937-1938), «История России в XVIII в.» (1937-1938), «Евреи в царской России и в СССР» (1939), «Народы северного Кавказа в прошлом и настоящем» (1939). Все эти экспозиции были сложными, многоплановыми, презентующими постоянно увеличивающийся коллекционный материал. Параллельно с активной работой музея, коллектив постоянно проходил идеологические проверки. Например, в 1931 г. в Русском музее проходило обследование ударничества особой тройкой НКВД, которая сделала вывод, что «несмотря на взятые на себя обязательства ударники в целом не боролись за плановость, улучшение качества, актуальность и рационализацию своей работы»²⁹.

Важным событием, изменившим во многом работу музеев, стал I Всероссийский музейный съезд, проходивший с 1 по 5 декабря 1930 г. Съезд должен был обобщить раннесоветский музейный опыт, а также задать определенный тон дальнейшей работе советских музеев. Если говорить об исторических музеях, «обществоведческих», то в своем докладе «Принципы построения обществоведческих музеев» Ю.К. Милонов поднимает ряд важных проблем. Он рассуждает о трудности предметно отобразить некоторые аспекты отношений между людьми, которые, по его мнению, являются объектами изучения экспозиции в исторических музеях³⁰, а также об опасности вещевизма. Кроме того, в музее необходимо бороться с классовым врагом: «...реакционные музейные работники, которые считают

²⁹ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 350. Выводы тройки по обследованию ударничества в Русском музее. 3 мая 1931 г. Л.1.

³⁰ Милонов Ю.К. Принципы построения обществоведческих музеев // Труды первого всероссийского музейного съезда. Протоколы пленарных заседаний 1-5 декабря 1930 г. Под ред. И.К. Луппола. Т. 1. М., 1931. С. 63.

возможным показать, откуда привезены, например, в нашу страну сосуды... <...> А когда мы ставим вопрос: как же шла социальная дифференциация в сосуде – оловяная и серебряная посуда как разделялась между классами, они отвечают, что этого показать нельзя, и мы слышим от них, что и тут, и там употребляли и то, и другое, а один из представителей этой школы с серьезным видом, достойным сожаления, доказывал, что в описи имущества одного крестьянина в северном районе нашли серебряную братину. Конечно, любой школьник 2-1 ступени ему объяснил бы, что это был крестьянин в правовом отношении, а по своей классовой сущности – это был представитель новой буржуазии»³¹.

В резолюции съезда конкретным выводам по этнографическим музеям отведен ряд пунктов: «Музеи народоведения, давая на своем специфическом материале картину развития общественных формаций, должны быть прежде всего музеями национальной политики и показать, с одной стороны, самобытную жизнь народов, эксплуататорский и угнетательский характер национальной политики царской России и современных капиталистических стран, выражение ее в колониальной политике, а с другой стороны, национальную политику Коминтерна, а также пути и формы разрешения национального вопроса в СССР»³²; «...показать, как на территории и между народами СССР распределяются различные хозяйственные уклады, о которых писал Ленин, и как идет вытеснение всех этих укладов социалистическими отношениями»³³. Съезд во многом повлиял на Этнографический отдел, но развертыванию экспозиционного строительства помешала сложившаяся в музее политическая ситуация.

³¹ Там же. С. 68-69.

³² Там же. С. 214.

³³ Ibid.

2.4 Период политический репрессий и кадровых изменений

1930-е гг. стали для музея непростыми не только в силу ужесточения политического режима и, как следствие, проверок, но и по причине увольнения ряда ведущих сотрудников музея в связи с арестами по «Академическому делу»³⁴ и «Делу славистов»³⁵. Советская власть, к которой привлеченные по делу относились достаточно лояльно, обязана была избавиться от любых инакомыслящих для пресечения образования оппозиционной среды. В 1930 г. в Уфе³⁶ был арестован заведующий Этнографическим отделом С.И. Руденко, его приговорили к десяти годам лагерного заключения за принадлежность к «контрреволюционной организации академика С.Ф. Платонова». В 1934 г. ученый был досрочно освобожден, в этнографическую науку С.И. Руденко было суждено вернуться уже после войны. Что касается «дела славистов», то, как пишут Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов: «Первым во время командировки в Смоленск был арестован зав. украинским отделением Русского музея, этнограф Борис Георгиевич Крыжановский; произошло это 09.09.1933. Крыжановский, также бывший председатель Украинского научного общества в Ленинграде, сразу был объявлен членом «контрреволюционной украинской организации»³⁷. Б.Г. Крыжановского объявили руководителем «ячейки» «Российской национальной партии» в Этнографическом отделе, и как участников этой ячейки арестовали также этнографов М.А. Фриде, А.И. Зарембского. Им ставилось в вину участие в подготовке к выставке «Украинское село», которую курировал Крыжановский в 1933 г. Выставка была запрещена, поскольку «создавала «идиллическую картину села без классового

³⁴ Уголовное дело, сфабрикованное ОГПУ против группы учёных Академии наук и краеведов в 1929—1931 гг. Предшествовало «делу славистов».

³⁵ В 1933-1934 гг. было сфабриковано дело под названием «Российская национальная партия», направленное против старой интеллигенции.

³⁶ Он находился там по делам Башкирской экспедиции.

³⁷ Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. С. 7

расслоения»³⁸. По мнению Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова: « СПО ОГПУ знал, что делал: в 1933 г. на Украине разразился небывалый голод и мор, и невинная «идиллия» недвусмысленно обличала сталинский режим как организатора всенародного бедствия»³⁹. В 1930 г. был арестован Д.А. Золотарев (он заведовал русско-финским отделением в ЭО в 1920-е гг.), а в 1933 г. после короткого промежутка был арестован повторно. В 1933 г. был осужден А.А. Миллер, который якобы «систематически выезжал по заданию центра организации на Северный Кавказ для собирания необходимых организации сведений о политических настроениях крестьянства национальных народов и для ведения фашистской агитации и пропаганды среди них»⁴⁰. Также в 1933 г. был осужден научный сотрудник Института народов Севера А.С. Бежкович, как посещавший заседания Украинского научного общества⁴¹. И Б.Г. Крыжановскому, и Д.А. Золотареву, и А.А. Миллеру наравне со многими другими, осужденными по «делу славистов» было суждено погибнуть.

Заведующим отдела становится сначала востоковед Н.Г. Таланов, а затем другой востоковед П.И. Воробьев. Н.Г. Таланов активно участвовал в «проработке» уже арестованного С.И. Руденко, боролся с «руденковщиной»⁴², после убийства С.М. Кирова занимался составлением негативных политических характеристик на сотрудников⁴³.

³⁸ Там же, с. 41.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. С. 39.

⁴¹ Для А.С. Бежковича все сложится более удачно, после войны он вернется работать в музей.

⁴² См. подробнее АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 362. Материалы (протоколы, докладные записки) о С.И. Руденко и его влиянии на экспозиционную деятельность музея. 1931-1932.

⁴³ См. подробнее: Н.Г. Таланов // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). <http://politike.ru/termin/talanov-nikolai-georgievich.html> (последнее обращение: 29.04.17).

Одновременно с чисткой старых кадров, в музей приходит поколение новых сотрудников музея – Т.А. Крюкова, Е.Н. Студенецкая, А.С. Морозова, Г.А. Никитин, И.М. Пульнер, М.В. Сазонова, С.Г. Гринина, Н.А. Федорова, Л.П. Потапов, Н.Ф. Прыткова, А.К. Супинский, В.В. Романовская. Как пишут Т.А. Крюкова и Е.Н. Студенецкая: «По данным архива ГМЭ, в 1933 г. на 50 процентов состав научных работников был обновлен. Теперь здесь работали четыре члена партии и шесть комсомольцев. Молодежи приходилось принимать на свои неокрепшие плечи сложнейшее дело построения новых экспозиций, перестройки научной работы музея»⁴⁴. Многие из них в дальнейшем станут авторами тематико-экспозиционных планов уже новых, советских экспозиций, которые будут в корне отличаться от первой экспозиции музея, построенной исследователями «старой школы». Трудность первых этапов дальнейшей работы состояла в «отсутствии марксистской подготовки у старшего поколения работников музея и недостатке знаний и опыта у приходящей в музей молодежи»⁴⁵.

1930-е гг. были непростыми и для самой науки этнографии⁴⁶, которая обязана была доказать свою уникальность и необходимость в условиях жесткого тоталитарного режима: «Советская этнография рождалась в четком соответствии боевым принципам советской власти. В советском контексте утверждение классового происхождения и использование этнографии в качестве идеологического орудия составляет весомый аргумент легитимации»⁴⁷. Находясь в неустойчивом положении, этнографии было необходимо обрести площадку для собственной легитимации. Этой площадкой становится музейное пространство: «Решение сделать

⁴⁴ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 36-37.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Подробнее об этнографии в советский период см.: Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. № 2. 1993.

⁴⁷ Бертран Ф. Наука без объекта? Советская этнография 1920-30-х гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 168.

этнографические музеи местом исследования *par excellence* позволило этнографии расположиться на стратегическом перекрестке между институциональной, научной и социальной легитимностью. Последний момент тем более важен, что посредством экспозиций этнографы могли надеяться завоевать признание публики»⁴⁸.

2.5 Экспозиции 1930-х гг.: специфика и динамика развития

Экспозиции, строившиеся в 1930-е гг., во многом отличаются от экспозиций 1920-х гг.⁴⁹. Прежде всего, это связано с изменением объекта показа, метода показа, а также с увеличением идеологического заряда экспозиции. Например, в 1931 г. строится экспозиция «Русское кулачество на Алтае», где наряду с информацией о природных и экономических условиях края, дается следующая иллюстрация: «Для характеристики производственных отношений монтируется сцена в старожильческой избе, представляющая богатых хозяев и батрака – туземца («собаки»), одновременно с хозяевами обедающего у порога и не смеющего подойти к столу, за которым сидят русские»⁵⁰. В качестве экспликаций на экспозиции были представлены лозунги типа «Русские богатели путем эксплуатации туземцев», «Удельный вес кулацкой группы достигал неслыханных размеров»⁵¹ и т.д. На экспозиции преобладали фотографии, схемы, многие надписи были сделаны вручную, а не напечатаны. Это говорит, во-первых, о нехватке материалов для презентации современности, а, во-вторых, о нехватке средств. Так, например, на большой экспозиции «Украинское село

⁴⁸ Там же. С. 172-173.

⁴⁹ См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 877. «Тематико-экспозиционный план по разделу "Украинцы" с фотографией». АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 837. «Протокол внутреннего просмотра экспозиций "Карело-Финская ССР" и материалы к нему».

⁵⁰ Ф.2. Оп.1. Д.368. План экспозиции «Русское кулачество на Алтае». 1931. Л.1-Л.1 об.

⁵¹ Фототека РЭМ. Фонд «История музея». ИМЗ-19.

до и после Октября» (1931, автор концепции – Б.Г. Крыжановский) не был представлен современным вещевой материал, он был заменен на фотографии и диаграммы, таким образом, часть, посвященная современности, визуально проигрывала дореволюционной части. В 1932 г. открылась наиболее удачная, по мнению современников, экспозиция «Народы Саяно-Алтая в прошлом и настоящем». Она представляла из себя показ не только этнографических, но и археологических материалов, таких как памятники Пазырыкских курганов и Ноин-Улы⁵². Экспозиция иллюстрировала этапы развития человеческого общества на территории Саяно-Алтая, были показаны формы хозяйства и быта, а также «социальные отношения, специфические формы эксплуатации, классовое расслоение и то, как оно отразилось на быте различных слоев населения»⁵³.

В 1934 г. в музее происходят важные перемены, он выходит из состава Русского музея и становится самостоятельным Государственным музеем этнографии: «Это решение было принято Народным комиссариатом просвещения РСФСР в связи с общей реорганизацией музеев Советского союза, начатой на рубеже 1920-1930-х годов. Реорганизация была вызвана стремлением государства добиться того, чтобы каждый музей страны стал центром пропаганды идей социализма или, по выражению тех лет, стал «гигантским конденсатором, гигантским орудием по перестройке мировоззрения на началах диалектического материализма», «участником классовой борьбы». Государственный музей этнографии был определен как музей национальной политики и национальной культуры. В основе всей его деятельности должен был лежать «показ процесса формирования наций, показ национальной политики и национальной культуры в период советской власти и в эпоху, непосредственно предшествующую революции»⁵⁴.

⁵² Позднее они будут переданы Эрмитажу.

⁵³ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 38.

⁵⁴ Российский этнографический музей (1902-2002). СПб., 2001. С. 40.

В 1939 г. строится экспозиция «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии», её задачей было отразить негативное польское влияние на данные территории: «Под гнетом польских панов, население Западной Украины пришло к полному обнищанию. Не имя (имея – *Е.А.*) возможности из-за непосильных налогов выбраться из постоянных долгов, крестьянство вынуждено было возвратиться к примитивным формам хозяйства»⁵⁵. Несмотря на яркую идеологическую направленность ТЭПа, набор предметов и сцен, представленных на экспозиции, был достаточно нейтрален: сельскохозяйственные орудия (соха, борона, ручная мельница и пр.), образцы народного ручного творчества: скатерти, полотенца, узорное тканье, вышивки; манекен, изображающий женщину, идущую в поле с люлькой за спиной. Необходимое идеологическое впечатление создавали тексты-эксplikации (текст о карательных экспедициях, о погромах еврейских домов, о суде над белорусскими коммунистами и др.) и фотографии (например, «На виселице», «Разгромленный дом во Львове»).

Яркой иллюстрацией процессов, происходивших в пространстве Этнографического музея, может служить обсуждение тематико-экспозиционных планов Ученым советом музея. Так, 8 мая 1939 г. на одном из заседаний обсуждался тематико-экспозиционный план, посвященный народам Северного Кавказа. Наряду с практическими замечаниями: «Тексты мелкие повесить ближе к зрителю, крупные фотографии – повесить выше»⁵⁶, присутствует критика идеологической недоработки показа: «т-т. Мильштейн, Потапов, Сахаров и я указали, что в настоящем ее виде сцена («Зажиточный колхозный дом» – *Е.А.*) никак не характеризует зажиточного дома колхозника, по сравнению с домом дореволюционным. Вместо того, чтобы постараться дать внутренность дома, показав обилие и ценность предметов,

⁵⁵ АРЭМ. Ф.2. Оп.1. Д. 730. План экспозиции «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии» и список коллекционных предметов, находящихся на выставке. 1939-1940. Л. 8.

⁵⁶ АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 734. Протокол заседания комиссии по просмотру экспозиции «Народы Северного Кавказа» и заключение по проекту художественного оформления. Л. 1.

культурные удобства и т.д. – художник ограничился показом лишь веранды»⁵⁷. Внимательным был и отбор предметов, которые никак не должны были себя «дискредитировать»: так приказывается «убрать кинжал с княжеской монограммой и короной»⁵⁸.

Уделяется внимание стилю экспозиции, существует представление о необходимости единства дизайна: «В художественном оформлении прежде всего – неудачен разрыв между стилем экспозиции старого и нового быта, там – всюду шкафы и старые большие, солидные щиты, а тут в разделе соцстроительства – какие-то легкие щиты другого стиля»⁵⁹. Не обходят стороной и новый профиль музея: «Основная трудность, вызывающая неувязки, что показывается культура четырех народов. Впервые мы должны уже придерживаться нового профиля и давать культуру народа, а не показывать национальную республику в комплексе»⁶⁰.

Экспозиция должна была всем своим материалом показать, «что в результате исторического развития, борьбы народов Сев. Кавказа за освобождение – явилась Сталинская Конституция»⁶¹. В то же время, несмотря на то, что идеологическое содержание экспозиции было важным, главным ориентиром оставалась научная достоверность представленной концепции, которая, конечно, тоже во многом базировалась на партийных установках.

На наш взгляд, попытки сохранения научной объективности при формировании экспозиционного пространства выгодно отличали

⁵⁷ Там же. Л. 1-Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 8.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Там же. Л. 3.

Этнографический музей 1930-х гг. от московского Музея народов СССР, который, потеряв во время политических репрессий основной научный состав, не смог восполнить эти потери, что определенным образом сказалось на качестве экспозиций того периода.

В конце 1930-х гг. происходят внутренние музейные изменения, которые обусловлены переменами в политическом и, как следствие, научном климате страны. Необходимо было пересмотреть профиль музея и содержание его деятельности. Это было связано с тем, что направление, заданное музеем в начале 1930-х гг., не могло быть реализовано, исходя из тех коллекций, которыми владел музей. В декабре 1938 г. в музее была создана комиссия по разработке нового профиля музея (В.В. Сахаров (председатель), Н.П. Гринкова, Л.П. Потапов, Е.Н. Студенецкая). Она подготовила проект, который обсуждался на семи совещаниях коллектива музея и был утвержден 31 января 1940 года на совещании исторической секции музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР. В документах указывалось, что музей должен заниматься «изучением и показом народов СССР, своеобразием их быта и культуры, их национальной спецификой»⁶². Кроме того, в пространстве этнографического музея стремились наравне с этнографией показывать отечественную историю, иллюстрировать социальные формации при помощи этнографических предметов и т.д. Для экспозиций музея этого периода характерен отказ от «радикального потенциала музея как площадки для критического осмысления прошлого и настоящего»⁶³. За каждой экспозицией стояла сталинская политика советского государства.

К концу 1930-х гг. представление о единице показа становится более устойчивым и однозначным, в 1939 г. был принят генеральный план размещения экспозиций в музее: «единицей показа для Музея Этнографии является племя, или народ в пределах единой административно-

⁶² Цит. по: Шангина И.И. 1930-е годы // Российский этнографический музей (1902-2002). СПб., 2001. С. 40.

⁶³ Hooper-Greenhill E. Museums and The Shaping of Knowledge. Psychology Press. 1992. P. 8.

территориальной единицы (республики, нац. области) или этнографические группы того или иного народа, которые должны быть располагаемы в соседстве с остальными частями данного народа и показаны в их связи и взаимодействии»⁶⁴. Происходит явный отказ от показа материала по формациям, объясняется данное решение тем, что «ни об одном народе по существу нельзя сказать, что его можно отнести к такой то формации целиком и что в его жизни нет элементов (зачастую очень сильных) других формаций»⁶⁵.

По мнению автора Генерального плана, выбранный этнографический принцип показа объединяет в себе и формационный, и исторический, и географический принципы, иллюстрируя в определенной мере каждый из перечисленных принципов при помощи многообразия национальной культуры. Согласно Генеральному плану: «Задачи, стоящие перед Музеем громадны. Он должен показать свыше 150 народов, населяющих СССР, в их своеобразии и общности, показать процесс изменения национальных особенностей, их культуры и быта, имеющих мировое значение. Естественно, что для такого показа следует считать недостаточной площадь 26-ти зал Музея. При этом необходимо напомнить, что и при первоначальном строительстве Музея, когда задачи его были неизмеримо уже и объем показа меньше, предполагалось построить здание вдвое больше, чем имеющееся в настоящее время, и постройка второй половины здания была временно отложена, в связи с империалистической войной»⁶⁶. Отсюда можно сделать вывод, что в довоенный период сотрудники мечтали о достройке здания и реализации проекта В.Ф. Свиньина. Экспозиционное пространство расширилось бы и удалось наилучшим образом проиллюстрировать большую часть проживающих на территории СССР народов: «Только дальнейшая

⁶⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 726. Проект генерального плана размещения экспозиций в музее 1939 г. Л. 8

⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Л. 15.

достройка здания вполне обеспечит отделы народов Кавказа, Русских, Сибири и Поволжья, необходимой для них площадью»⁶⁷, но реализация этого проекта была невозможна.

Интересны также некоторые экспозиционные решения. Например, «Промежуточный зал между правым и левым крылом верхнего этажа, естественно, занимает экспозиция по евреям. Существование Ев.А.о., имеющей огромное политическое значение на территории Сибири в непосредственном соприкосновении с народами Сибири служит достаточным обоснованием для помещения экспозиции по евреям в СССР в данном зале»⁶⁸. Особое значение придается экспозиции, посвященной народам Грузии, как «родине товарища Сталина». Любопытно, что, по мнению руководства музея, коллекции по культуре народов Азербайджана и Армении были недостаточны для построения экспозиции (кроме того, не хватало пространства), поэтому Южный Кавказ был представлен исключительно Грузией. Рискнем предположить, что этническая принадлежность руководителя страны решала куда больше, нежели непосредственное наличие соответствующих коллекций.

Несмотря на грандиозные планы по переделке музея и расширению экспозиционного пространства, реализовать их не удалось в связи с началом Великой Отечественной войны. В ноябре 1941 года часть экспонатов была эвакуирована в Новосибирск, возвращены предметы были в октябре 1945 года.

2.6 Музей в период послевоенного восстановления

⁶⁷ Там же. Л. 20.

⁶⁸ Там же. Л. 19.

Война нанесла большой урон всему организму Этнографического музея⁶⁹. Прежде всего, погибли многие сотрудники музея, кроме того, пострадало здание (реставрация, начатая сразу после войны, продлилась до 1958 г.), погибла также часть музейных коллекций, которая не была эвакуирована в Новосибирск. Музей, как и в период 1920-х гг., бросил все силы на восстановление прежней музейной жизни⁷⁰.

Вопреки трудностям и потерям военного времени, уже 15 июля 1948 года музей открывает первую масштабную выставку «Народное искусство и национальная одежда славянских народов»⁷¹, которой предшествовали две выставки «Образцы народного искусства славян» (1945 г.) и «Одежда и народное искусство славян» (1946 г.). И та, и другая выставки были реализованы за пределами Этнографического музея, в виду ремонта в залах музея. Выбор темы был неслучаен: после победы над нацистской Германией и процесса освобождения Восточной Европы, Советский союз развивает идею дружбы славянских народов.

Таким образом, не оставляет сомнений тот факт, что после войны фокус показа этнографических коллекций по славянским народам меняется: «Богатые собрания Музея позволили выставить разнообразные виды народного искусства: русских, белорусов, украинцев, а также западных и южных славян»⁷². Уже не являются актуальными экспозиции, построенные на противопоставлении одних славянских народов другим, как это было в

⁶⁹ Подробнее: Первак В.Э. Реставрация здания Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1.

⁷⁰ О послевоенных экспедициях и сборе музейных предметов подробнее см.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 383. Письма к А.Я. Дуйсбург от частных лиц и научных сотрудников музеев по вопросу собрания этнографических материалов и устройства экспедиций.

⁷¹ Первой выставкой (но несравнимой по размерам с «Народным искусством...») была выставка «Айны – жители Южного Сахалина и Курильских островов». Она была открыта осенью 1945 года и являлась следствием внешнеполитических событий – возвращения СССР Южного Сахалина и Курильских островов.

⁷² Мильштейн Е.А. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. 1950. № 1. С. 195.

довоенное время⁷³. Интересно, что спустя более, чем пятьдесят лет, в стенах музея начинает реализовываться первичная концепция Этнографического отдела Русского музея, согласно которой музей был направлен на собирание и презентацию коллекций, прежде всего по славянским народам Российской империи и других славянских государств.

В 1949 г. открывается первая экспозиция, которая была посвящена осетинам, в след за ней – «Кабардинцы» (1950), «Народы Поволжья: чуваша и марийцы» (1950), «Народы Севера – ненцы и эвенки» (1951), «Туркмены» (1952). Послевоенное экспозиционное строительство охватывает весь музей. В 1950 г. А.С. Бежкович пишет о планах восстановления экспозиций: «К 1953 году можно освоить почти всю площадь музея: часть постоянными экспозициями и часть временными выставками. <...> Экспозицией Сибирского отдела кончается восстановление постоянной экспозиции музея. Работа эта выполнялась в течении 10 лет. Но если Комитет по делам Культпросветучреждений отпустит больше средств на приобретение экспонатов, на экспедиционную и экспозиционную работы, то в зависимости от средств, сроки сборов экспонатов и построения экспозиции могут быть сокращены на 3-4 года. В результате чего Сибирский отдел, как последний, строящий постоянную экспозицию открывает ее не в 1960 году, а в 1956-1957 годах. Но возможно и раньше»⁷⁴.

Важным событием 1950-х гг. становится поступление в 1948 г. в музей коллекций из московского Музея народов СССР. Созданный в 1924 году, музей, носивший сначала имя Центрального музея народоведения, а с 1935 г. Государственного музея народов СССР, имел трагическую судьбу. Сформировавшийся в условиях всплеска научной инициативы 1920-х гг., он

⁷³ Например, довоенная экспозиция «Западная Белоруссия и Западная Украина» содержала в себе агрессивное противопоставление восточнославянской культуры западнославянской (а точнее, польской). См. подробнее ТЭП: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 730. Л. 8.

⁷⁴ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1047. Материалы (тезисы к докладу, проекты, отзывы) старшего научного сотрудника А.С. Бежкович о методах и принципах построения экспозиции музея. Л. 14

невероятно пострадал в 1930-е гг. после ухода с поста директора Б.М. Соколова и периода политических репрессий. Часть коллекций музея, который в 1943 г. остался фактически без собственного помещения (фонды музея были перевезены в здание школы), безвозвратно погибла, часть была передана в Ленинград, в Государственный музей этнографии⁷⁵. Так, в 1948 г. Этнографический музей становится единственным музеем, специализирующимся на этнографии народов СССР. Как пишет И.И. Шангина: «По официальным документам в Российский этнографический музей было передано 88 621 ед.хр. вещевых памятников и иллюстративных материалов (фотографий, рисунков). В настоящее время в РЭМ хранится 69 510 ед.хр. вещевых памятников и 5563 ед.хр. фотографий, рисунков»⁷⁶.

Несмотря на то, что масштаб коллекций Центрального музея народоведения был колоссальным, существовали и серьезные трудности: прежде всего, проблема атрибуции, вернее, переатрибуции предметов. Эти коллекции имели куда более ранние датировки, нежели коллекции Этнографического музея, но, в то же время, точное определение периода, народа, источника поступления требовало времени. Коллекционные описи, которые поступили вместе с предметами, больше задавали вопросы, нежели отвечали на них. Описания были очень краткими, источник поступления порой не указывался, этнографическая принадлежность предмета, подчас, была установлена неправильно. Это было во многом связано с научным уровнем Государственного музея народов СССР к концу 1930-х гг., когда штат профессиональных этнографов пострадал от репрессий, а восполнение сил достойными кадрами не удалось в виду отсутствия последних. Таким образом, несмотря на то, что Этнографический музей получил возможность восполнить лакуны в коллекционном собрании, утраченные во время

⁷⁵ Подробнее о Государственном музее народов СССР: Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2.

⁷⁶ Шангина И.И. Вещевой фонд Музея народов СССР в Российском этнографическом музее: опыт источниковедческого анализа // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2. С. 7.

наводнения и войны, неоднозначность их атрибуции и нехватка времени на исправление чужих ошибок, повлияли на формирование недоверчивого отношения к «музейнародовским» вещам⁷⁷. Вплоть до недавнего времени, вынесение таких предметов на выставку или экспозицию было нежелательным. Таким образом, сформировался специальный «фонд в фонде»: предметам из московского музея не удалось полноценно встроиться в коллекции фондов музея, они так и остались отдельным корпусом предметов под коллекционными номерами «8761» («жесткий резерв»), «8762» («мягкий резерв»), «8763» (резерв особой кладовой). Исходя из вышесказанного, на сегодняшний день трудно оценить вклад коллекций Музея народов в экспозиционное пространство Этнографического музея.

2.7 Осмысление А.С. Бежковичем советского экспозиционного опыта

В апреле 1950 г. А.С. Бежкович сделал доклад на Ученом совете музея на тему «Основные принципы построения экспозиций в этнографических музеях». Предшественником А.С. Бежковича в развитии методики построения экспозиции был, разумеется, Б.Г. Крыжановский, о котором мы уже писали. А.С. Бежкович во многом опирается на текст Б.Г. Крыжановского, у него даже есть прямая ссылка на текст последнего, что в виду позднесталинского времени было достаточно рискованным, ведь Б.Г. Крыжановский был репрессирован. Между тем, по иронии судьбы, не только в тематике текстов и в схожих взглядах на этнографическую экспозицию, но и в личных судьбах эти два автора были схожи. А.С. Бежкович, профессиональный этнограф, закончивший кафедру этнографии географического факультета ЛГУ, в 1931-1933 гг. работал в Институте экономики и организации социалистического земледелия ВАСХНИЛ, а также

⁷⁷ Из беседы со Слостниковой Л.А. 23.11.16.

в Институте народов Севера читал курс о земледелии на Севере⁷⁸. Также как и Б.Г. Крыжановский, он был арестован осенью 1933 года по «делу славистов». Проведя три года в лагерях, А.С. Бежкович работает в Кабардинском музее и НИИ в Нальчике, а затем на одиннадцать лет уезжает в Узбекистан, где ему удалось проработать в самых разных музеях в качестве научного сотрудника, а также заместителя директора и директора (Янги-Юльский краеведческий музей, Республиканский музей культуры узбекского народа в Самарканде и др.). В 1948 г. А.С. Бежкович поступает на работу в Государственный музей этнографии народов СССР, где, как в свое время Б.Г. Крыжановский, возглавит отдел Украины и Белоруссии, оставаясь на этом посту до своего выхода на пенсию. А.С. Бежкович активно принимал участие в разработке ТЭП для экспозиций музея⁷⁹.

Появление подобного текста – обобщения опыта, а также выявления тупиковых путей экспозиционного развития – не случайно. Б.Г. Крыжановский пишет свое эссе в 1926 г., когда музей оправляется после революции, Гражданской войны, строит новые экспозиции. В 1950 г. ситуация у музея похожая – здание сильно пострадало во время войны, произошел ряд внутренних изменений, необходимо было переосмыслить и научную составляющую экспозиции, и материальную, визуальную ее часть. Имея за плечами огромный опыт не только этнографической, но и музейной работы, А.С. Бежкович по праву взялся за пересмотр методики экспозиционного строительства в этнографических музеях на примере Государственного музея этнографии.

Начинает А.С. Бежкович с основы – с тех установок, которые должны быть заложены научными сотрудниками в экспозицию и которые должны

⁷⁸ См. подробнее: Решетов А.М. А.С. Бежкович – этнограф и музеевед // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006-2007 / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб., 2007. С. 271-275.

⁷⁹ См. подробнее: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1331. Тематико-экспозиционный план выставки «Украинцы» (XIX-нач. XX в.), составленный А.С. Бежковичем. 1959.

быть отражены в тематическом и тематико-экспозиционном планах. По мнению автора, такое разделение, создание двух разных документов, необходимо: «Тематический план называется потому, что с его помощью музейный работник разрешает тематические вопросы экспозиции, а тематико-экспозиционный – потому, что он разрешает еще и экспозиционные вопросы. Первый отвечает на вопрос – что показывать, а второй – чем показывать»⁸⁰. Рассуждая о политических установках, А.С. Бежкович отмечает: «В вводной части плана излагаются установки, дающие политическое направление, цели и задачи экспозиции. Затем содержание темы кратко излагается, дается теоретическое обоснование и идеологическое направление ее»⁸¹. Таким образом, с самого начала создания экспозиции, необходимо проработать ее политическую, идеологическую составляющую, которая будет выражена через цитаты классиков марксизма, а также будет всячески отражаться в текстовом сопровождении экспозиции.

Далее А.С. Бежкович переходит к следующему уровню формирования экспозиции – осмыслению объекта показа. По его мнению, вещеведческий показ, который существовал в Этнографическом отделе Русского музея, неприемлем и должен быть заменен показом бытовым, а также необходимо отказаться от чрезмерной академичности в экспозиции: «Мы глубоко убеждены, что одежду надо показывать только в быту. И не только одежду, но все абсолютно музейные предметы следует экспонировать в бытовой обстановке, чтобы посетитель мог наблюдать не только экспонат, но и условия, в которых он бытует и способ пользования им и употребления его»⁸².

⁸⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1157. Доклад А.С. Бежкович «Основные принципы построения экспозиций в этнографических музеях». Л. 6.

⁸¹ Там же. Л. 9.

⁸² Там же. Л. 11.

Показ современности в Этнографическом музее – камень преткновения в дискуссиях 1930-х и 1950–60-х гг.– не игнорируется и А.С. Бежковичем. Он считает необходимым показ «нового быта»: «Новый быт может развиваться и в старой хате, приспособлявая ее к новым потребностям быта, например, украшение литографиями советского содержания, электрическое освещение, устройства радио, замена старой обстановки новой, современной и т.д.»⁸³.

Обвиняя многих музейщиков в излишней «ортодоксальности», Бежкович расширяет горизонты этнографической экспозиции, предлагая экспонировать не только то, что сделано руками человека, но и предметы промышленного производства: «Трактор, комбайн и др. современные машины играют огромную роль в переделке быта колхозников и поэтому их надо использовать в культурно-просветительных и пропагандистских целях. Для этой цели нет необходимости ставить в экспозиционные залы трактор или комбайн в натуре, а достаточно дать модель, строго выдержанную в масштабе и конструктивно, способную работать на холостом ходу»⁸⁴.

Заканчивая тему бытового показа, А.С. Бежкович затрагивает важный вопрос – вопрос соотношения тем в экспозиционном пространстве: что нужно показывать больше, а что меньше в условиях формационного подхода? Объясняя, что пропорция является лишь приблизительной, А.С. Бежкович считает соотношение эпох феодально-крепостного, капиталистического и социалистического быта должно быть равно 1:2:3. В то же время, он признает, что возможны темы, когда социалистическая составляющая совсем незначительна: например, в тех случаях, когда происходит показ пережитков.

Снова затрагивая тему показа, несмотря на выбранный способ показа по народам, А.С. Бежкович предлагает внедрить элементы показа

⁸³ Там же. Вставка к Л. 16 (С. 4).

⁸⁴ Там же. Вставка к Л. 16 (С. 6).

географического: «Хорошо бы дать образцы почвы, некоторые наиболее ценные для страны, края или для данной местности экземпляры растений в виде гербария, например для степи ковыль»⁸⁵.

Оставляя тему научной составляющей экспозиции, А.С. Бежкович переходит к ее непосредственному оформлению (чем во многом перекликается с идеями Крыжановского, и что во многом свидетельствует об инертности взглядов на оформление этнографических музеев). Магистральными идеями для А.С. Бежковича являются две: в оформлении не должно быть ничего лишнего, а также идея эстетического, прекрасного в экспозиции. «В экспозиционных залах всячески надо избегать лепных, скульптурных и фигурных украшений, стены и потолок должны быть гладкими, ровными без украшений. Весь внутренний вид зала не должен отвлекать внимание посетителей»⁸⁶, - пишет А.С. Бежкович. Он не обошел своим вниманием ни один элемент экспозиции: шкафы, витрины, рундуки, этикетаж, оформление цитат, фон и цвет стен. Интересно, что освещая практическую сторону вопроса (например, насколько вместительной должна быть мебель), автор затрагивает совершенно новую, почти лирическую, тему «воздуха» в экспозиции: «Соблюдая симметрию в расположении экспонатов, пирамидальность композиции и определяя место объяснительного текста на щите необходимо, ко всему этому, еще найти то среднее пространство между экспонатами, которое не создало бы впечатления скученности композиции или пустоты на щите. Это среднее пространство, разделяющее экспонаты на языке музейных работников называется «воздухом». Вот этот воздух надо суметь дать на щите в такой оптимальной пропорции, которая бы так сочеталась с площадью щита и экспонатами, что посетитель осматривая экспозицию, не чувствовал ни пустоты, ни скученности»⁸⁷.

⁸⁵ Там же. Л. 17.

⁸⁶ Там же. Л. 19

⁸⁷ Там же. Л. 42.

В целом, идеи, сформулированные и изложенные Бежковичем, являлись и являются (во многом) актуальными для этнографических музеев на протяжении длительного времени. Прежде всего, они были воплощены в экспозициях 1950–60-х гг.

2.8 Экспозиционное строительство 1950–70-х гг.

В 1952 г. в журнале «Советская этнография» в разделе «Хроника» выходит статья сотрудницы отдела этнографии народов Сибири Е.П. Орловой, руководителя проекта по созданию экспозиции «Народы Севера – ненцы и эвенки» (1951 г.). Эта экспозиция демонстрировала сформировавшийся этнографический принцип демонстрации предметов. На экспозиции была представлена информация, касающаяся географического положения Сибири: «на трех крупных фотографиях показаны тундра летом, лесотундра и тайга зимой»⁸⁸. Кроме того, была представлена археология: «экспонаты, добытые при раскопках в Салехарде и Прибайкалье»⁸⁹, а также история края – прежде всего факты, связанные с освоением Сибири и Ермаком. Экспозиция свидетельствует также о том, что важной составляющей является информация о классовом неравенстве и отсталых народностях, являющейся маркером дореволюционного периода в жизни народов Севера в советской историографии: «Классовые различия у ненцев были ярко выражены уже в XIX в.: крупными стадами оленей по 5-10 тысяч голов владела кулацкая верхушка, которая практиковала наем батраков, а также разные формы эксплуатации, завуалированной родственными отношениями»⁹⁰.

⁸⁸ Орлова Е.П. Новая экспозиция в Государственном музее этнографии народов СССР // Советская этнография. № 4. 1952. С. 187.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Там же. С. 188.

Важным элементом советской экспозиции остается необходимость презентации социалистической реальности, изменений, произошедших в культуре народов под влиянием «постоянной помощи русского народа». Так на экспозиции представлены неводы, которые заменили сети, тем самым «старый, технически убогий рыболовный промысел отошел в прошлое»⁹¹. Заметно, что при описании экспозиции, автор статьи, двигаясь от щита к щиту, как во время экскурсионного маршрута, «спотыкается» об идеологические вставки в пространстве экспозиции. Так, описывая уже упомянутый «убогий рыболовный промысел» и разрастающиеся олени колхозы, автор пишет в духе классической этнографии о распространении вполне традиционного использования оленей, о существовании разных видов нартов, об изготовлении различной одежды из оленьих шкур. Сразу же после этого происходит резкий скачок: «Советские биологи доказали возможность земледелия в высоких широтах»⁹² и далее идет повествование о перспективах развития хозяйствования для всех северных народов в условиях советской власти. Идеологическая составляющая, выраженная в текстах, документах, цитатах Сталина на этом этапе является важным условием для существования экспозиции, несмотря на то, что ее искусственность в этнографическом пространстве очевидна.

Один из важнейших вопросов при обсуждении экспозиций в послевоенный период – это вопрос презентации в музее современности. Весной 1952 г. происходит обсуждение тематико-экспозиционного плана для экспозиции «Русский народ»⁹³. Особенностью этой экспозиции было то, что впервые в стенах музея планировался столь масштабный показ русского народа. Над тематико-экспозиционным планом работали не только сотрудники музея, но и привлеченные из Института этнографии Академии

⁹¹ Ibid.

⁹² Ibid.

⁹³ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. д. 1099. Стенографический отчет совещания по обсуждению тематического плана экспозиции «Русский народ». 1952 г.

Наук коллеги (С.М. Абрамзон, Т.В. Станюкович, Е.Э. Бломквист). Экспозиция, по составленному плану, должна была состоять из следующих залов: зал, посвященный показу основных занятий (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, промыслы, а также комплексный показ деревни при помощи презентации избы и панно с изображением улицы); следующий зал продолжал тему «Культура и быт крестьянства» (интерьер избы, пища, утварь, а также информация о положении женщины, воспитании детей и все то, что касалось семейных отношений); за ним следовал зал, который был посвящен «старому» народному творчеству, а также культуре и быту рабочего класса, этот зал также играл роль введения к советскому разделу. Следующим шел зал, посвященный современному рабочему классу, а также зал, показывающий тему колхозного крестьянства. Заканчивается осмотр современным народным творчеством, изображением стройки коммунизма и скульптурой товарища И.В. Сталина⁹⁴.

С основной критикой данного плана выступила Е.Э. Бломквист, «солидаризируясь», по ее словам, с С.М. Абрамзоном, написавшим отзыв на ТЭП. Прежде всего, она критиковала основной подход: «Не силами музея, не в данных площадях, не на имеющихся материалах выставлять такую огромную, ответственную тему, как культура русского народа вообще и культура советского народа в частности»⁹⁵. Это замечание нам интересно, потому что дает понять процесс формирования представления о русском народе как ведущем и особенном в процессе развития СССР, того самого представления, которое формируется после войны, контрастируя с довоенным временем, где показ национального, подстегиваемый «правом наций на самоопределение», превалировал над всем русским. Кроме того, возникли вопросы, касающиеся темы современности, показа рабочего быта, а именно – на каких материалах будет совершен показ? В.И. Герасимова, один

⁹⁴ Там же. Л. 6.

⁹⁵ Там же. Л. 7.

из авторов плана, отвечает: «Мы заранее отдаем себе отчет, что возможно не удастся показать специфику современного рабочего класса, поскольку мы приближаемся к коммунизму, и грани между национальными особенностями стираются. <...> Мы хотим показать современную советскую культуру, пусть она даже будет тождественной для рабочих грузин, таджиков, русских. Мы покажем элементы развивающейся ведущей советской культуры»⁹⁶. Этот ответ проливает свет на ту трудную задачу, с которой неминуемо сталкивался Этнографический музей в советское время. Трудность заключалась в самой концепции коммунизма, который должен был быть выхолощен от всего национального, и к которому стремилось советское государство. В конечном итоге развитие музея в какой-то момент должно было прекратиться. И это не могли не понимать сотрудники музея.

С.С. Федосеев продолжил: «Русский народ является ведущей нацией Советского союза, и влияние русской культуры сказывается на развитии культуры всех наций Советского Союза. Легче показать специфические особенности национальной культуры узбекского народа по отношению к национальным особенностям русского народа, т.к. советская русская социалистическая культура является основой всей социалистической культуры народов»⁹⁷. В конце концов, основным камнем преткновения становится вопрос – показывать рабочий быт или ограничиться лишь показом крестьянства. В поддержку первой точки зрения прозвучал следующий ответ: «Экспозиция должна воспитывать прежде всего молодежь в духе плодотворного, горячего патриотизма, создателем которого является не крестьянство, а рабочий класс. В советском обществе патриотизм создается не крестьянством, а рабочим классом. <...> Как же музей собирается воспитывать чувство советского патриотизма и советской национальной

⁹⁶ Там же. Л. 9- Л. 10.

⁹⁷ Там же. Л. 10.

гордости, не показывая класса, являющегося основоположником советского патриотизма и советской национальной гордости?»⁹⁸.

Продолжая дискуссию, Е.Н. Студенецкая связала изменения в экспозиционном строительстве музея с изменениями, произошедшими в науке: «Профиль нашего музея в 1948 году, когда в Москве было первое заседание Коллегии, оформился, как быта, национальных особенностей, культуры и быта народа. Тогда еще рабочий класс не стоял в профиле, и вообще в профиль этнографической науки. Этот вопрос возник позднее и был поднят С.П. Толстовым и Институтом этнографии в целом <...> Когда мы говорили и подчеркивали «национальные особенности», мы могли говорить, что они больше сохраняются в крестьянстве, мы могли приводить сталинскую цитату, что деревня хранит эти особенности. Но в связи с установками Института и установками Всесоюзного этнографического совещания, которыми мы руководствовались, слова «национальные особенности» отпали»⁹⁹. Т.А. Крюкова поддержала Е.Н. Студенецкую: «Мы не можем отложить экспозицию, и перед нами стоит задача – показать русский народ. Мы не можем показать его частями. Проблема всестороннего показа русского народа поставлена на таком руководящем совещании, как этнографическое совещание в 1951 году»¹⁰⁰.

Таким образом, становится ясным, что Этнографический музей зависел от изменений партийных и научных, от указаний, которые давались «сверху». Вопрос «нивелировки различий в материальной культуре» также стоял перед экспозиционерами: что презентовать в условиях, когда материальная культура рабочего класса, интеллигенции и крестьянства становится схожей? «Если вы будете искать специфику рабочего класса, которая с каждым днем тает, это будет неправильным, тем более, что ее надо

⁹⁸ Там же. Л. 18.

⁹⁹ Там же. Л. 33 – Л. 34.

¹⁰⁰ Там же. Л. 36.

искусственно ловить»¹⁰¹, - утверждает Т.В. Станюкович. Ни к какому конкретному решению коллеги не приходят, обсуждения будут продолжаться. Дискуссии подобного рода для нас важны: становится понятным, каким образом музею удавалось создавать экспозиции, лавируя между научным развитием, изменениями в курсе партии, решениями, принятыми в самых разных совещательных органах: партийных и научных.

Музей, который находился в научном и политическом полях одновременно, чутко реагировал на происходящее в стране. С окончанием сталинского периода и наступлением хрущевской «оттепели» происходят постепенные изменения в этнографии, которые оказали влияние и на Государственный музей этнографии. Как пишет этнограф С.Е. Рыбаков: «Приблизительно с середины 1960-х годов в развитии теоретической этнографии (этнологии) наметился определенный сдвиг. Следует отметить, что именно с этого времени стал наблюдаться известный «разрыв» между основными исследовательскими магистралями в этнографии и истмате. Постепенно сложилось даже своего рода «разделение труда», когда этнографы начали заниматься теорией этноса и этнических процессов, а философы в рамках исторического материализма и научного коммунизма – теорией нации, проблемой национализма и «национальным вопросом»»¹⁰².

Этнографический музей также воспринял произошедшие в науке изменения. На контрасте с музейными экспозициями 1930-х годов, когда происходило постоянное колебание в области объекта музейного показа, экспозиции 1950-1960-х гг. становятся результатом скорее этнографических и музеологических концепций, нежели сугубо политических и идеологических, хотя четкая связь советской этнографии с деятельностью коммунистической партии очевидна. Если в 1930-е гг. совершались попытки формационного показа, то после 1950-х гг. в связи с развитием концепции об этнических

¹⁰¹ Там же. Л. 38.

¹⁰² Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 8.

общностях (С.А. Токарев, Ю.И. Семенов, В.И. Козлов), а позднее – теории этноса (Ю.В. Бромлей), объектом показа становится этнос. По сути, музей в какой-то степени перестает быть непосредственно музеем национальной политики СССР, по крайней мере, в том объеме, в каком он был до войны. Уже в 1963 г. директор музея М.В. Сазонова писала: «Немногие музеи мира смогли бы представить в экспозиции историю культуры и быта народов своей страны с такой же всесторонностью, наглядностью и полнотой, как ГМЭ отражает на своих выставках многообразие быта и богатство культуры русских, украинцев, белорусов, казахов, узбеков, грузин, азербайджанцев и многих других малых и больших народов нашей необъятной страны»¹⁰³. Эти слова кажутся малозначимыми, если не брать во внимание, что десятилетие назад, во время сталинского периода, предыдущий директор Е.А. Мильштейн, рассуждая об Этнографическом музее, оперировал понятием не народа, но нации, подкрепляя это словами «товарища Сталина»¹⁰⁴.

Еще одним важным событием становится изменение способа показа современности. Согласно генеральному плану, который был принят в 1956 г., было необходимо внести изменения в экспозиционное пространство. Дело в том, что экспозиции советского периода, как уже было неоднократно описано выше, состояли из двух тематических блоков – жизнь народа до и после октябрьской революции. Несмотря на то, что у экспозиционеров было желание как можно ярче проиллюстрировать положительные изменения в жизни разных народов после революции, в реальности из-за нехватки коллекций по современному периоду, из-за низкой аттрактивности «бумажного» материала экспозиций (карт, диаграмм, черно-белых фотографий), часть экспозиции, посвященная послереволюционному периоду, неизменно проигрывала куда более яркой, части, посвященной

¹⁰³ Сазонова М.В. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. № 2. 1963. С 19.

¹⁰⁴ Подробнее: Мильштейн Е.А. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. 1950. № 1.

«капиталистическому» периоду. Генеральный план преодолевал данную проблему через изменение в экспозиции музея: «Советский период в жизни народов СССР показывается не раздельно по каждому народу, а объединенно для всех народов, что помогает более яркому выявлению основных процессов современности в жизни народов, как процесс сближения культур социалистических наций и формирования общесоветской социалистической культуры, процесс бурного роста культуры ранее отсталых народов, показу руководящей роли КПСС в строительстве коммунизма»¹⁰⁵. Таким образом, в музее формировалось специальное, отдельное пространство для показа современности, подобное «вынесение за скобки» повлияло позднее на то, что после распада СССР, вычленение советской составляющей из экспозиции музея было достаточно «безболезненным». Главной идеей экспозиции, посвященной современности, являлась презентация надэтнической общности – советского народа, своеобразного конгломерата разных народов.

Основной темой экспозиции стала тема союза равноправных народов, пространственно она заняла центральные залы правого и левого крыльев. Экспозиция должна была презентовать «изменения в материальной культуре народов СССР в советский период, демонстрируя при этом как сохранение национальных особенностей, так и сложение черт общности, выявляя общие закономерности этого процесса»¹⁰⁶. Таким образом, получается, что вместе с советским бытом из залов экспозиций также выносилась большая часть идеологической составляющей. Залы же, посвященные дореволюционному периоду (чаще всего конца XIX – начала XX веков) строились на принципах этнографического показа. Следовательно, в центральное пространство музея была вынесена политическая составляющая музея, а остальное пространство становилось менее идеологизированным. Складывается ощущение формирования некоего «музея в музее». Интересно, что ряд экспозиций,

¹⁰⁵ Сазонова М.В. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. № 2. 1963. С 19.

¹⁰⁶ Ibid.

которые обозначаются как экспозиции «старого типа» и содержат в себе элементы, прославляющие культ личности Сталина (например, цитаты, портреты и т.д. на экспозициях «Народы Севера (ненцы и эвенки)», «Народы Поволжья (марийцы и чувашаи)», «Туркмены») не были закрыты и переделаны, они, по мнению Сазоновой, не утратили своего значения. Скорее всего, это говорит о внутренней инертности экспозиционного пространства музея, а также о нейтральности самих этнографических образов.

Генеральный план 1956 г., кроме того, что повлиял на форму показа современности в музее, «вывел» из Этнографического музея тему революционной борьбы, Гражданской войны и т.д., делегировав этот показ музеям исторического профиля. Таким образом, после 1956 г. Этнографический музей становится «все более этнографическим», ему дается возможность заниматься тем, что непосредственно относится к его профилю: «Введение в этнографическую экспозицию должно быть этнографическим. Поэтому коллектив пришел к мысли о необходимости показать во введении этапы этнического формирования русского народа, постепенного появления и развития общности территории, языка, культуры и экономики, приведших в результате к формированию русской буржуазной нации»¹⁰⁷.

Первым результатом теоретических выкладок А.С. Бежковича и результатов обсуждения Генерального плана 1956 г. становится экспозиция, посвященная русскому народу, одна из самых сложных в музее. Открытие экспозиции было приурочено к сорокалетию Октябрьской революции: первые три зала были открыты в 1957 г., а к 1960 г. были закончены четвертый и пятый залы. Экспозиция была интересна не только тем, что из нее уже была изъята тема современности, но и поиском новых визуальных решений: стены были украшены «лаконичными и сдержанными по цвету

¹⁰⁷ Там же. С. 76.

настенными рисунками»¹⁰⁸, также были сделаны макеты («Рабочая казарма», «Ярмарка в селе»), кроме того, была сделана попытка осуществить связь посетителя с внутренней, научной деятельностью музея, которая обычно остается в тени: на экспозиции были размещены раскрытые книги с выписками из полевых записей научных сотрудников (бесед со старыми рабочими), записи сопровождались специально заказанными иллюстрациями¹⁰⁹.

Уже в 1958-1960 гг. была построена экспозиция «Современное народное искусство», которая заняла центральные залы обоих крыльев музея: в левом были размещены коллекции, посвященные народному искусству народов РСФСР, в правом – народов союзных республик. В зале «Искусство РСФСР» было произведено деление по регионам: русские, карелы, народы Северного Кавказа, народы Поволжья и Приуралья, народы Сибири и Дальнего Востока. Разделы сопровождались картами, на которых было указано распространение видов народного искусства, условные обозначения подтверждались реально выставленными предметами. Второй зал, посвященный искусству четырнадцати союзных республик, был выполнен в том же стиле. Каждому из народов отводилось два шкафа и стенд. И первый, и второй залы заканчивались росписью художников Л. Полищук и С. Щербининой на тему «Народные мастера народу» и «Дружба народов СССР».

Вслед за экспозицией «Русские» были открыты экспозиции «Украинцы», «Казахи», «Грузины». При построении этих экспозиций также активно создаются художественные макеты (этот способ показа окажется особенно удачным для таких тем, как «Жилище», «Ярмарка» и т.д.), используются пейзажные фотопанно для зрительного расширения пространства. Важно отметить, что экспозиции 1960-х гг. строятся

¹⁰⁸ Там же. С. 77.

¹⁰⁹ Ibid.

преимущественно через показ бытовых сцен, размещения в залах построек в натуральную величину (так, в зале, посвященном Казахстану, для создания этнографического образа и смыслового центра ставится юрта, у дверей которой посажен манекен батрачки). Таким образом, создается определенная «жизненность» экспозиционного пространства, которое подчас может восприниматься как театральная сцена.

Опыт экспозиционного строительства послевоенного времени был продемонстрирован 22–25 февраля 1961 г. в Музее этнографии народов СССР в рамках объединенной расширенной сессии ученых советов Научно-исследовательского института музееведения и Музея этнографии народов СССР, на этой сессии присутствовали представители 60 музеев союзных республик. Доклады, сделанные директором музея М.В. Сазоновой и художниками музея, касательно оформления новых экспозиций, были отмечены в решении совещания, музеям было рекомендовано обращаться к опыту Этнографического музея.

Закончив строительство экспозиции, посвященной современному народному искусству, музей переходит к строительству экспозиции «СССР – братский союз равноправных народов», целевой установкой которой был показ результатов ленинской национальной политики в СССР, «приведшей к появлению политической, экономической и культурной общности народов и укрепления дружбы народов»¹¹⁰. Таким образом, данная экспозиция должна была стать самой главной в музее, апофеозом экспозиционной деятельности музея. Главной трудностью, с которой столкнулись экспозиционеры, была площадь, на которой необходимо было построить новую экспозицию. Для данной цели был выбран Мраморный зал, расположение которого по отношению к входу в музей и ко всему зданию в целом, было максимально

¹¹⁰ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 83.

выгодным. Однако, его архитектурный стиль, высота, горельеф не подходили для строительства экспозиции.

Согласно первоначальному проекту в центральной части Мраморного зала должна была быть расположена огромная рельефная карта СССР, играющая роль экрана для диапроектора, а экспозиция заняла бы галерею, которая охватывает зал с трех сторон. Однако замысел с диапроектором не удалось воплотить в жизнь, экспозиция была размещена только на галерее. В основу экспозиции легли полевые этнографические данные, экспедиционные фотоснимки, а также «цитаты из трудов В.И. Ленина и важнейших партийных документов позволяют четко проследить роль партии, идущей по ленинскому пути»¹¹¹. По верхней части стены был выполнен фриз: крупные фигуры людей разных национальностей. Этот фриз должен был перекликаться с горельефом «Народы России», «противопоставляя ему новое современное лицо народов СССР»¹¹². Отдавая должное времени, живописные панно, представленные на экспозиции, демонстрировали не только борцов за советскую власть, но и представителей народов Африки, Азии и Латинской Америки – «борцов за независимость против империализма»¹¹³. Напротив входной арки располагалось третье панно, на котором был изображен Ленин на трибуне. Экспозиция была открыта в 1964 г. и просуществовала до непосредственного распада СССР. Позднее она будет перенесена в аванзал музея, на ней будет показан преимущественно плоскостной материал: этническая карта дореволюционного периода, современная политическая карта, документы, диаграммы, фотографии¹¹⁴.

¹¹¹ Там же. С. 84.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 84.

¹¹⁴ Из беседы с В.А. Дмитриевым. 19.04.17.

Важно отметить, что в указанный период музей так же, как и любое другое учреждение Советского союза, был связан с происходившими в стране изменениями. Так, в январе 1962 г. Ученый совет музея обсудил доклад М.С. Нестеровой «Об изучении и показе современности в Государственном музее этнографии народов СССР и задачи музея в свете решений XXII съезда КПСС», этот доклад должен был повлиять на «уточнение содержания советских разделов экспозиций»¹¹⁵.

Экспозиционное строительство 1960-70-х гг. было связано с активной экспедиционной и собирательской деятельностью музея. В 1970-е гг. лакуны в коллекциях были восполнены настолько, что музей приступает к строительству таких монографических экспозиций как экспозиция «Азербайджанцы. Конец XIX – начало XX века» и «Народы Поволжья и Приуралья. Конец XIX – начало XX века». По мнению заместителя директора по научной части С.А. Авижанской: «Первый раз в истории центрального этнографического музея страны проводится монографический комплексный показ хозяйства, быта и культуры азербайджанского народа и всей группы народов Волго-Камья»¹¹⁶. Экспозиция, посвященная азербайджанцам, была первой в процессе строительства экспозиций по народам Армении и Грузии. Дабы не дублировать пересекающиеся в культурах этих народов элементы, было решено сделать в экспозиции акцент на специфике материальной и духовной культур азербайджанцев. Наряду с показом уже ставших классическими для этнографического музея тем, таких как иллюстрация хозяйственно-культурного типа, показ ремесел и т.д., были отражены и элементы, маркирующие экспозиции советского времени. Так, показывая жилище азербайджанцев, экскурсовод обращал внимание на существование женской отделенной половины, что свидетельствовало о «женском бесправии», которое было укоренено в азербайджанской

¹¹⁵ Сазонова М.В. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. № 2. 1963. С 26.

¹¹⁶ Авижанская С.А. Новые экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1978. № 1. С. 155

дореволюционной культуре мусульманской религией¹¹⁷. Несмотря на то, что экспозиция представляла собой классический для советского времени показ, С.А. Авижанская подчеркивает «большую классовую остроту» новой экспозиции¹¹⁸.

Экспозиция, посвященная народам Поволжья и Приуралья, была по своему уникальной¹¹⁹. Так же, как и азербайджанцы, финно-угорские и тюркские народы никогда не презентовались так полно, как это удалось в 1977 г. Пространство экспозиции, занимающее два зала, было поделено: тюркские народы (татары, чуваша, башкиры) заняли малый зал, а финно-угорские народы (удмурты, марийцы, мордва, коми-зыряне и коми-пермяки) – большой. Всего на экспозиции было представлено восемь обстановочных сцен, а также несколько построек – башкирская юрта, удмуртский кенос, коми керка. По первоначальному замыслу Т.А. Крюковой в экспозиции должны были быть обыграны не только стены, но и пол – была идея поместить голубой ковер, который символизировал бы собой Волгу и создавал у посетителя ощущение водного маршрута¹²⁰. К сожалению, эта идея не была реализована. Также в залах были «защиты» окна и проемы для увеличения площадей экспонирования, поскольку для презентации восьми народов двух залов категорически не хватало. На сегодняшний день, эта экспозиция в условиях крайне ограниченного естественного освещения, выглядит несколько мрачной и статичной, однако в 1977 г. она, безусловно, воспринималась иначе. Открытие обеих экспозиций было приурочено к шестидесятилетию Октябрьской революции и имело особое значение: «Открытие новых экспозиций по традиционной этнографии (дооктябрьский период) имеет большое значение для пропаганды идей ленинской

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Там же. С. 156.

¹¹⁹ См. подробнее: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1841. Тематико-экспозиционный план «Народы Поволжья и Приуралья» (XIX-нач. XX вв.).».

¹²⁰ Из беседы с Л.М. Лойко. 20.05.16.

национальной политики, успешного осуществления ее под руководством Коммунистической партии и правительства Советского Союза»¹²¹.

2.9 Кризис в развитии музея в 1980–90-е гг.

В 1981 г. в «Советской этнографии» выходит статья директора Этнографического музея Ирины Ивановны Барановой «Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР [Поиски и проблемы]»¹²². Эта статья категорически отличается от тех текстов, которые писали руководители музея в 1950–70-е гг., где главной целью небольших статей о музее было проинформировать в нужной форме, что на данный момент происходит в Этнографическом музее: открываются новые экспозиции, выставки, проводятся полевые исследования, собираются коллекции, и все это, безусловно, имеет четкую цель – прославление национальной политики в частности и Советского союза в целом.

Текст И.И. Барановой отличается по разным показателям. Во-первых, он гораздо объемнее написанных до него статей, во-вторых, он, безусловно, является свидетельством своей эпохи и освещает те проблемы, которые стояли перед обществом. Появление и необходимость обсуждения проблем вынесено даже в заголовок статьи – «поиски и проблемы». Несомненно, музей, как и страна, начинает осознавать необходимость реформирования, поиска новых путей развития. Главный вопрос, который задает себе руководство музея на тот момент, это уже не раз поднимавшийся вопрос показа в музее современности. Будучи с 1977 г. всесоюзным методическим центром в области этнографического музееведения, а также научно-

¹²¹ Авижанская С.А. Новые экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1978. № 1. С. 159.

¹²² Баранова И.И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР [Поиски и проблемы] // Советская этнография. 1981. № 2. С. 25-35.

исследовательским учреждением, Этнографический музей должен был выработать методику показа этнографических предметов. Главным инструментом связи с посетителем все также остается экспозиция, но взгляд на нее меняется, становится куда более динамичным, нежели прежде: «Экспозиции этнографических музеев служат своеобразной лабораторией практического приложения теоретических концепций этнографии, одной из форм их популяризации среди широких масс»¹²³. И.И. Баранова отмечает, что каждая экспозиция стоит в среднем около 10–15 лет, музей посещают тысячи посетителей, все это накладывает большую ответственность на экспозиционеров. Необходимость теоретического осмысления экспозиционного феномена появляется, возможно, в условиях достаточно спокойного для музея периода: экспозиции музея практически полностью восстановлены после войны¹²⁴, реставрация здания окончена, экспедиции проводятся, коллекции пополняются, тяжелый период политических репрессий в прошлом. В таких условиях, возникает потребность взглянуть на музей с позиции: «А что же дальше? Каковы перспективы развития музея в целом и экспозиционного показа в частности?». Экспозиция, по мнению И.И. Барановой, является «главным критерием научной и профессиональной зрелости любого музейного коллектива»¹²⁵.

Важной причиной для пересмотра музейных экспозиций становится развитие этнографической науки: «За последние 10 лет как никогда много сделано в области теоретической разработки проблем этнографии, в уточнении ее задач, предметной области, терминологического аппарата и в

¹²³ Там же. С. 25.

¹²⁴ Дореволюционному этапу были посвящены экспозиции «Русские», «Украинцы», «Белорусы», «Молдаване», «Эстонцы», «Латыши», «Литовцы», «Армяне», «Грузины», «Азербайджанцы», «Туркмены», «Казахи», «Народы Поволжья и Приуралья» (7 народов), «Ненцы», «Эвенки». Дальнейшего строительства (на 1981 г.) ожидали: «Узбеки», «Таджики», «Народы Дагестана», «Народы Северного Кавказа», «Народы Сибири и Дальнего Востока» (18 народов). Экспозиции по современности: «СССР – братский союз равноправных народов», «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР», «Современное народное искусство». В будущем – «Современные праздники и обряды народов СССР».

¹²⁵ Баранова И.И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР [Поиски и проблемы] // Советская этнография. 1981. № 2. С. 25.

определении места этнографии в ряду смежных наук. В экспозиционной практике музей опирается на фундаментальные этнографические исследования по этим вопросам»¹²⁶. Надо отметить, что в 1970–80-е гг. происходит развитие и завершение формирования теории этноса. В 1973 г. выходит труд Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография», в 1981 г. «Современные проблемы этнографии», позднее, в 1983 г., «Очерки теории этноса», которые станут апофеозом развития этнической теории Ю.В. Бромлея. Эти научные разработки лягут в основу исследований позднесоветского периода и подвергнутся критике и сомнениям уже во время Перестройки. В своей теории Ю.В. Бромлей поднимает вопрос культурной целостности, которая включает в себя не только выраженные внешне компоненты культуры, но также и язык, религию, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки¹²⁷. Кроме того, Ю.В. Бромлей поднимает вопрос «первостепенных этнических черт», к которым он относит характерные особенности культуры, а также язык, психику, самосознание и самоназвание¹²⁸.

Подобная теория меняет уже устоявшееся представление об объекте показа. И.И. Баранова утверждает: «Основная сложность при создании экспозиции заключается в том, что далеко не все аспекты, составляющие сегодня предмет этнографической науки, могут быть воплощены в материализованных зрительных образах»¹²⁹. Таким образом, необходимо найти пути преодоления сложившейся для музейного руководителя трудности, созданной развитием этнографической науки. Несмотря на акцентирование внимания на сложности, возникшей при осмыслении

¹²⁶ Там же. С. 27.

¹²⁷ Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 11.

¹²⁸ В тексте И.И. Баранова, определяя показ современности в ГМЭ методически верным, приводит утверждение Ю.В. Бромлея о необходимости сравнительного анализа при изучении этнических общностей (с. 29).

¹²⁹ Баранова И.И. Показ современности в Государственном музее этнографии народов СССР [Поиски и проблемы] // Советская этнография. 1981. № 2. С. 26-27.

современности, автор полагает, что методически экспозиции Этнографического музея построены правильно: они созданы на основе обобщенного показа различных особенностей современной культуры, которые показаны на многонациональном материале, что позволяет провести сравнительный анализ предметов. Кроме того, автор обращает внимание, что «косвенно эти экспозиции отражают процесс нивелировки национальных форм быта в условиях научно-технической революции, процесс урбанизации и преодоления существенных различий в быту городского и сельского населения, возрастание роли горожан как носителей национальных традиций и этнического самосознания, пути сложения новой исторической общности – советского народа»¹³⁰. Встает вопрос: делал ли посетитель столь далеко идущие выводы, анализируя (если он, конечно, анализировал) представленные на экспозиции предметы?

И.И. Баранова отмечает, что при экспонировании современного материала необходимо соблюдать осторожность: нельзя переусердствовать при показе национального колорита, ведь это «совершенно недопустимо в музейной экспозиции, обращенной к широкой публике»¹³¹. Эта необходимость постоянно «быть начеку», создавать идеологически верный баланс в экспозиции, является, наверное, самой яркой чертой в жизни музея в советское время: несмотря на усиление или ослабление идеологического гнета, музей был вынужден постоянно «перестраховываться», выверять нужную пропорцию при показе национального, чтобы «давать правильное представление о масштабах распространения традиционно-бытовой культуры и ее соотношении с современной культурой»¹³². В условиях, когда музей становится методическим центром, по сути – примером для остальных этнографических и краеведческих музеев Советского союза – требования к

¹³⁰ Там же. С. 30.

¹³¹ Ibid.

¹³² Ibid.

нему возрастают, ведь по его «лекалам» будут строиться экспозиции остальных музеев.

Освещая вопрос экспонирования этнографических предметов, И.И. Баранова обращается к зарубежному опыту, с которым отечественным исследователям удалось познакомиться на симпозиуме этнографического комитета Международного совета музеев в 1978 г. в Дели, темой симпозиума было «Отражение теоретических концепций этнографии и антропологии в музейной экспозиции». Наряду с дискуссиями касательно объекта показа этнографических музеев, поднимался также вопрос технического оснащения, например, аудиовизуальных средств. Мнение И.И. Барановой на этот счет категорично: «Мы убеждены, что никакая музейная техника не в силах заменить обаяния подлинного памятника культуры <...> Где нет подлинного памятника традиционно-бытовой культуры, там нет этнографического музея»¹³³. Несмотря на некоторую категоричность и попытки казаться уверенными, риторика текста заставляет нас чувствовать растерянность автора, а вместе с ней и музейного коллектива – что же дальше? Завершается текст не ответами, а вопросами: «Где остановиться этнографическому музею в его собирательской практике? Что из моря национальных по форме предметов должно отложиться в коллекциях музея и стать объектом его экспозиции? Какой принцип положить в основу отбора материала? Коллектив музея находится в постоянно поиске»¹³⁴.

Подводя итог, нужно отметить, что на протяжении всего советского периода музей продолжал свое развитие в условиях политических и научных изменений. Балансируя между политикой и наукой, он проделал длительный путь в поиске собственного объекта и метода показа. Экспозиционное пространство музея претерпевало как внешние, художественные и конструктивные изменения, так и внутренние, идеологические и научные. То,

¹³³ Там же. С. 33.

¹³⁴ Там же. С. 35.

что было актуальным и политически верным в 1930-е гг., претерпевало изменения в 1950-е, обретая новые формы еще десятилетие спустя. Заслужив статус методического центра в области этнографического музееведения, Этнографический музей встает перед вопросом дальнейшего пути развития в условиях политического застоя и кризиса, так же, как и государство, музей начинает рефлексировать на длительный советский опыт.

3 глава

Изменения в экспозиционном пространстве музея в постсоветский период: традиции и инновации (1991–2012)

3.1 Экспозиция «Народы Северо-Запада и Прибалтики. XVIII–XX вв.»

Перестройка в государстве непосредственным образом сказалась и на музее: перемены были необходимы, поскольку в развитии музея наметился застой. Помещенный в жесткие идеологические рамки, Государственный музей этнографии народов СССР нуждался в пересмотре своих целей и задач, кроме того, опыт зарубежных коллег мог бы поспособствовать созданию позитивных стратегий дальнейшего развития. Как пишут В.А. Дмитриев и Л.Ф. Попова: «В начале 1990-х гг. экспозиции по современной проблематике были демонтированы, оправданием чему было стремление отказаться от идеологизированных подходов и обратиться к сугубо этнографическому содержанию экспозиций – традиционно-бытовой культуре»¹.

Распад СССР отразился на экспозиционном пространстве музея. Так, например, экспозиции, посвященные этнографии эстонцев, латышей и литовцев, были разобраны: значительную часть экспонатов вернули в музеи стран Прибалтики, которые способствовали экспозиционному строительству в 1970-е гг. Такие серьезные изменения коснулись лишь экспозиций народов Прибалтики, остальные экспозиции не были полностью демонтированы. Рискнем предположить, что это связано как с характером выхода прибалтийских республик из состава СССР, так и с вопросом насыщения экспозиций ГМЭ экспонатами из музеев Прибалтики, которые требовалось вернуть².

¹ Дмитриев В.А., Попова Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 90

² См. подробнее: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1684. Д.А. Горб. Тематический и тематико-экспозиционный планы «Литовцы XIX – нач. XX вв.».

Нужно отметить, что новой экспозиции «Народы Северо-Запада и Прибалтики. XVIII-XX вв.» предшествовала выставка «Из истории Санкт-Петербургской губернии», простоявшая с 1993 по 1999 гг. Впервые в стенах музея была поднята петербургская тематика. Новая экспозиция, приуроченная к 300-летию Петербурга, отличалась от экспозиций советского периода. Она преподносилась как новое слово в экспозиционном строительстве этнографических музеев. В отличие от советского показа «по этносам» (латыши, литовцы, эстонцы), новая экспозиция показывает культурный синтез народов Прибалтики и Северо-Запада, включая народы северных территорий (таких, как саамы). В общей сложности представлено двенадцать народов Балтийского и Баренцева регионов. Как отмечает руководитель проекта О.М. Фишман: «Отдел этнографии Северо-Запада и Поволжья РЭМ, сотрудники которого являются авторами-разработчиками экспозиционного проекта, уже с конца 1980-х годов участвуют в комплексных программах по региональному финноугроведению в С.-Петербурге. Это позволило отказаться от ряда традиционных и отчасти устаревших приемов в создании этнографических экспозиций, расширить географию и хронологию показа: мы поставили задачу проследить наследие прошлого в образах и символах настоящего»³. Важной спецификой этой экспозиции, наряду с изменением привычных хронологических рамок, является использование двух новых принципов показа (совместно с региональным принципом): культурно-антропологического и конфессионального. По мнению авторов концепции, во главу угла ставится человек, который в том или ином этнографическом сюжете занимает позицию наделенного конкретным социальным и культурным статусом⁴. Это главная особенность культурно-антропологического принципа. Конфессиональный же принцип позволил продемонстрировать «христианские универсалии

³ Фишман О.М. «Экспозиция «Народы Северо-Запада и Прибалтики. XVIII-XX вв.» в Российском этнографическом музее: новые принципы построения // Этнографическое обозрение. № 5. 2004. С. 146.

⁴ Ibid.

культуры», которые «дают ключ к пониманию роли христианства в народной культуре и ее современной оценке»⁵. Эти подходы во многом заменяют сложившийся в советской традиции показ народов «по этносам».

Экспозиция состоит из «Введения» и четырех разделов, в основу которых легли разные этнокультурные комплексы: «Люди моря», «Люди земли», «Люди леса», «Люди тундры». О.М. Фишман пишет: «Для построения экспозиционных образов был избран условно-сценический, или сюжетно-драматургический прием, дополненный визуально-тематическими комплексами или группами экспонатов»⁶. На наш взгляд, данный прием – почти театральный – является характерным и для советских экспозиций и для экспозиций 2010-х гг. Это интересное решение: в пространстве музея выстраиваются небольшие «сцены» из подиумов, где в качестве «актеров» выступают антропологические манекены, а в качестве декораций – элементы жилых построек, ковры, ткани. Научно-вспомогательный фонд – например, муляжи – играют роль театральной бутафории. Стоит задуматься о том, какую же роль играют в таком случае музейные предметы, не отходят ли они на второй план, выступая в качестве сырья для «изготовления» той или иной «этнографической атмосферы». Вопрос остается открытым. Начиная с 1930-х гг. приоритет в показе предметов преимущественно через бытовые сцены отодвигает самостоятельную ценность музейного экспоната. Не менее интересное значение обретает музейное пространство, когда в экспозиции показывают определенное театрализованное действие – например, представление на Масленицу. Таким образом, получается существование «сцены» на «сцене».

Возвращаясь к экспозиции народов Северо-Запада, нужно отметить, что в нее также была введена тема знаковых личностей – «безымянных и

⁵ Там же. С. 147.

⁶ Ibid.

известных»⁷. Это, как и многое другое (показ через бытовые сцены, обилие фотоматериала) является непосредственным наследием советского периода, вряд ли можно считать эти средства показа новыми и уникальными. Даже почти театральная инсценировка на экспозиции является одним из приемов этнографического показа А.С. Бежковича, о котором мы говорили ранее.

3.2 Музей еврейской культуры: идея и реализация

Появление в 2007 г. постоянной экспозиции, посвященной культуре евреев, сложно было заранее спрогнозировать. В условиях мощных трансформаций в стране и в мире появляется потребность в создании на территории России музея еврейской культуры, который являлся неотъемлемой частью европейских столиц⁸. Созданию экспозиции предшествовал плодотворный в плане выставочной деятельности период 1990-х гг. Начиная с 1993 г. музей активно создает и презентует выставки, посвященные теме еврейской культуры. Важным фактором для создания выставок послужили зарубежные контакты: например, с Еврейским историческим музеем в Амстердаме. Несмотря на то, что тема еврейской культуры была апробирована на ряде музейных выставок, решение о создании музея еврейской культуры на базе РЭМ было неожиданным для внутримузейного сообщества. Безусловно, он обладал крупнейшими коллекциями по данной тематике, но отсутствие необходимого экспозиционного пространства ставило возможность реализации этого проекта в тупик.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ См. подробнее: Липкин М. Еврейские музеи мира. <http://www.lechaim.ru/ARHIV/248/lipkin.htm> (последнее обращение: 22.04.17).

Согласно информации на официальном сайте РЭМ: «Немаловажным представляется то, что идея создания данного экспозиционного комплекса была в числе инициатив Президента РФ. Реализация этой инициативы является вкладом в дальнейшее развитие роли Петербурга как культурной столицы России»⁹. Строительству экспозиции предшествовал большой Ученый совет, на котором сотрудники музея искали возможность решения данной задачи. Была предложена идея создания музея еврейской культуры в отдельном здании – например, в мастерских Михайловского театра, которые размещаются во дворе Этнографического музея¹⁰. Проблема нехватки пространства была решена кардинально: часть верхнего этажа правого крыла было решено отвести под новую экспозицию, а экспозицию народов Средней Азии, которая должна была занять это пространство после ремонта, было решено построить в других залах, «потеснив» экспозицию, посвященную народам Кавказа. Лишь спустя два года народы Средней Азии снова займут свое место в экспозиционном пространстве, однако площадь для них будет выделена чуть ли не в два раза меньшая. Как говорил в своем интервью директор музея В.М. Грусман: «На протяжении долгого периода времени мы находились без одной из наших коренных экспозиций, без одного из наиболее значимых «позвонков» нашего музея»¹¹.

Конечно, экспозиция, посвященная еврейской культуре, уже планировалась ранее в музее. Так, например, в 1923 г. был разработан план экспозиции «Евреи» с зарисовками предметов, которые должны были быть использованы на экспозиции. Преимущественно, это были предметы религиозного содержания¹². Насколько мы знаем, этот проект не был

⁹ Официальный сайт Российского этнографического музея: <http://www.ethnomuseum.ru/ekspoziciya-istoriya-i-kultura-evreev-rossii> (последнее обращение: 06.04.17)

¹⁰ Из беседы с Дмитриевым В.А. 19.04.17.

¹¹ Этнографический музей снова открывает Среднюю Азию и Казахстан: <http://m.fontanka.ru/2009/05/21/045/> (последнее обращение: 06.04.17)

¹² Подробнее: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129. План экспозиции «Евреи» с зарисовками этнографических вещей.

реализован и прямого влияния на экспозицию 2007 г. не имел¹³. В основу коллекций по еврейской культуре легли коллекции С.А. Ан-ского (Шломо Зейнвила Раппопорта), который собирал их в течение 1912–1914 гг. Покидая Россию в 1918 г, он передал часть коллекций в Этнографический отдел Русского музея. В 1939–1941 гг. была проведена длительная выставка «Евреи в царской России и СССР», которую организовал Еврейский сектор ГМЭ. Лишь в 1990-х гг. возобновляются выставки, посвященные культуре евреев¹⁴: сначала в России, потом их вывозят в страны Европы и США. Наиболее успешной стала выставка из цикла «Образы одного народа», которую курировала Л.Б. Урицкая: «Эта временная выставка имела непосредственное отношение к озвученной В. Путиным программе создания Еврейского музея в Петербурге – она открылась уже через несколько месяцев после президентского заявления, весной 2004 года»¹⁵. По мнению научного сотрудника музея Т.Г. Емельяненко, эта выставка была наиболее удачной и интересной, в сравнении с более поздней экспозицией¹⁶.

Спустя три года была построена постоянная экспозиция, которая вызвала определенный резонанс в музейном пространстве. Журналистом Николаем Смирновым была организована дискуссия, в которой приняли участие востоковед С.М. Якерсон и заведующий отделом этнографии русского народа РЭМ Д.А. Баранов. Обсуждая тему создания новой экспозиции, два участника дискуссии заняли если не полярные, то во многом не совпадающие позиции. Однако в одном они были согласны: создание экспозиции – непосредственный политический акт, акт силы и власти по отношению к музею. С.М. Якерсон подытожил: «эта экспозиция – результат

¹³ Из беседы с Емельяненко Т.Г. 20.12.2016.

¹⁴ Подробнее: «Меж двух миров». Выставка к 150-летию со дня рождения С. А. Ан-ского. <http://www.magazineconsul.ru/archive/35/mezhdunarodnyj-proekt/%C2%ABmezh-dvux-mirov%C2%BB-vyistavka-k-150-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-s.-a.-anskogo-natalya-prokopeva.html> (последнее обращение: 06.04.17)

¹⁵ Смирнов Н. Временный музей. <http://booknik.ru/today/all/vremennyi-muzey/> (последнее обращение: 06.04.17)

¹⁶ Из беседы с Емельяненко Т.Г. 20.12.2016.

прямого распоряжения конкретного человека»¹⁷. Д.А. Баранов соглашается: «С еврейской выставкой есть та сложность, что это явно идеологический проект, и идеологический дискурс здесь превалирует над всеми остальными, в том числе и над научным»¹⁸. Таким образом, экспозиция, посвященная еврейской культуре не является ни наследницей экспозиции более раннего периода, ни инициативой научного сообщества; создание экспозиции – это отражение политических событий в России. Существовала и еще одна семантическая трудность: задуманный как музей еврейской культуры, проект в итоге превратился в экспозицию, занимая большое пространство, но не отдельное¹⁹. Кроме того, стилистически экспозиция тоже выделяется – отсутствуют антропологические манекены, оформление отличается от других экспозиций (над экспозицией работали монтажники из Москвы). Также очевиден тот факт, что такое большое пространство выбивается из общего ряда залов музея: «нарушен сам принцип экспонирования. У нас он традиционно региональный. Есть и другой уровень проблемы, не связанный напрямую с методологией музейного дела. Вот смотрите, приходит с улицы посетитель, видит, каким образом у нас представлены разные народы, а когда он поднимается на второй этаж, то вдруг обнаруживает эту огромную экспозицию, посвященную одному еврейскому народу. Если это рассматривать в качестве временной выставки, тогда вопрос может и не возникнуть, но совсем другое дело, если музей представляет ее как экспозицию. Сразу же возникает вопрос, почему именно евреи оказались выделенными?»²⁰, – говорит Д.А. Баранов.

¹⁷ Смирнов Н. Временный музей. <http://booknik.ru/today/all/vryemennyi-muzeyi/> (последнее обращение: 06.04.17)

¹⁸ Там же.

¹⁹ Во время Ученого совета был предложен вариант разместить экспозицию по еврейской культуре на месте экспозиции народов Украины для того, чтобы организовать отдельный вход в данное пространство (из беседы с В.А. Дмитриевым, 19.04.17).

²⁰ Смирнов Н. Временный музей. <http://booknik.ru/today/all/vryemennyi-muzeyi/> (последняя проверка: 06.04.17).

Нельзя не согласиться с противоречивостью экспозиции, посвященной культуре еврейского народа: она выделяется на фоне остальных экспозиций по всем показателям. Трудно не отметить и разницу в способе показа: этнография отодвигается на второй план, на первом – история народа и история религии. Это не типично для этнографического музея, особенно в условиях существования в городе музея истории религий. В то же время образуется внутренний дисбаланс: с одной стороны отдельный зал, посвященный иудаизму и письменной культуре, с другой стороны – минимальные «вкрапления» культовых и религиозных предметов на экспозициях других народов. Между тем, нельзя не отметить, что экспозиция, посвященная культуре еврейского народа, необходима. Кроме того, большие свободные пространства этих залов способствуют проведению занятий с группами, комфортное дизайнерское решение благотворно влияет на состояние посетителей: это один из немногих залов, где можно спокойно провести время, отдохнув. И эта атмосфера также немаловажна. Проблема заключается лишь в том, что эта экспозиция во многом создана в ущерб экспозиционному пространству других залов – этнографии народов Кавказа и Средней Азии, которые лишились своих площадей. Также насущным остается вопрос идеологического влияния, политической воли, непосредственно отраженной в пространстве музея, поэтому сложно говорить об изъятии идеологического дискурса из Этнографического музея после распада Советского союза. Проблема этого конфликтного поля может быть решена методом, предложенным Д.А. Барановым: внедрение темы еврейской культуры в экспозиции народов Украины, Белоруссии, Прибалтики, России позволило бы сделать показ более гармоничным и научным.

3.3 Новые принципы показа в экспозициях 2000–2010-х гг.

Следующим важным событием в музейной жизни становится открытие в 2009 г. экспозиции, посвященной народам Средней Азии и Казахстана. Поскольку площади экспозиции по перечисленным выше причинам были сокращены, то необходимо было продумать, каким образом наиболее полно показать культуру народов, не перегружая экспозицию. Как пишут Л.Ф. Попова и В.А. Дмитриев, авторы проекта: «Важно то, что на повестку дня была поставлена необходимость создания компактных с точки зрения занимаемой площади и более емких в плане объема транслируемой этнографической информации экспозиций. Это и подсказывало общий путь решения проблемы, а именно – обращение к региональному подходу. Кроме того для таких регионов как Кавказ и Средняя Азия, ставших в постсоветский период ареной напряженных межэтнических конфликтов, весьма актуальным казался перенос ценностно-содержательного акцента экспозиций с этнической общности на региональную»²¹.

Экспозиция, посвященная народам Средней Азии, представляет собой гармоничный симбиоз сформировавшейся традиции показа (бытовые сцены, антропологические манекены, воспроизведение на экспозиции жилищных построек и т.д.) и новых дизайнерских и технологических решений. Также как и экспозиции, посвященные народам Северо-Запада и еврейской культуре, данной экспозиции предшествовал ряд крупных выставок, на которых апробировались те или иные элементы показа. В основу показа лег региональный подход, в котором регион является «территорией (геоторией), по совокупности насыщающих ее элементов отличающейся от других территорий и обладающей единством, взаимосвязанностью составляющих ее

²¹ Дмитриев В.А., Попова Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 90.

элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории»²².

Экспозиция состоит из двух блоков, каждый из которых делится на разделы: первый блок отражает «явления хозяйственно-культурной адаптации населения региона»²³. Он освещает такие темы, как: «Этническая территория и расселение», «Хозяйство», «Поселение». Второй блок посвящен характеристике этнических и субэтнических культур каждого региона. Экспозиция, посвященная народам Средней Азии и Казахстана, разместилась между экспозицией культуры евреев и более поздней, открытой в 2012 г., экспозицией народов Южного Кавказа. Трудно не заметить, что крайне небольшие залы и периферийность их размещения создают эффект некоторой промежуточности, незначительности представленного материала, хотя на экспозиции размещены уникальные с научной точки зрения предметы. Как отмечает в интервью В.М. Грусман: «дело даже не в современном музейном оборудовании или новейших принципах освещения, а в том, что нам удалось в двух экспозиционных залах разместить беспрецедентное количество информации, - впервые за многие годы музей приобрел антропологические манекены и обстановочные сцены, в которых они используются, дают зрителю ощущение непосредственного участия в них»²⁴.

Интересной особенностью данной экспозиции стала неразрывная ее связь с экспозицией, посвященной народам Южного Кавказа, которая открылась спустя три года, в 2012 г. Так получилось, что дизайнерское решение у них схожее, а непосредственная близость залов и логичность перемещения из одного пространства в другое укрепляют эту связь. Кроме

²² Дмитриев В.А., Попова Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 90.

²³ Ibid.

²⁴ Этнографический музей снова открывает Среднюю Азию и Казахстан: <http://m.fontanka.ru/2009/05/21/045/> (последняя проверка: 06.04.17).

того, над обоими проектами трудился коллектив одного отдела – этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Экспозиция, посвященная Южному Кавказу, также построена на региональном принципе показа и состоит из двух блоков, которые делятся на разделы.

Важной особенностью обеих экспозиций является оригинальное художественно-архитектурное решение: «перед дизайнером стояла задача раскрыть арки второго этажа, связывающие зал с галереей, и тем самым вернуться к первоначальному замыслу архитектора В.Ф. Свиньина. Ранее в проемах арок располагались высокие шкафы с глухими перегородками. Арки можно было оставить свободными, но потеря выставочных площадей при этом стала бы губительной для решения экспозиционных задач. Дизайнером было найдено интересное решение – использовать невысокие прозрачные витрины, позволяющие дать панорамный обзор экспонатов и сохранить ощущение легкости аркады»²⁵. Таким образом, было получено дополнительное освещение от светового фонаря центрального зала левого крыла, что добавило экспозиции «воздушности». В то же время экспозиция (и народов Средней Азии, и народов Южного Кавказа) является полноценной наследницей позднесоветских экспозиций, с одной только разницей – изъятием идеологического элемента (по крайней мере, явного). Примечательно, что в условиях политических реалий, экспозиции, построенные уже в XXI веке, посвящены народам других стран. В отличие от Государственного музея этнографии, который презентовал те народы, которые проживают в границах Советского союза, Российский этнографический музей создает экспозиции народов, которые на сегодняшний день имеют собственные национальные государства. Те же, которые проживают, имеют мало общего с показанными на экспозиции народами. В чем же тут дело? Такие экспозиции становятся данью прошлому

²⁵ Дмитриев В.А., Попова Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 92.

или образовательными площадками для школьников? Или позволяют части россиян приобщиться к корням? Или направлены на развитие чувства толерантности к народам, представители которых приезжают с деловыми целями в Россию?

Вне зависимости от политической подоплеки, с точки зрения музеологии и этнографии данная экспозиция позволяет увидеть разные хозяйственно-культурные типы у народов Южного Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Антропологические манекены и бытовые сцены, а также ряд научно-вспомогательных материалов, включая фигуры коня, верблюда, делают визуальное впечатление ярче. Несмотря на небольшие площади, экспозиции весьма информативны, а благодаря простой навигации и удачному освещению (искусственному и естественному), их осмотр посетитель осуществляет легко.

Несложно заметить, что для постсоветского периода в истории развития экспозиционного строительства Этнографического музея характерен поиск новых форм презентации этнографического знания. Стараясь отойти от советского способа показа, где основной единицей показа был этнос, экспозиционеры ищут новые пути решения: показ осуществляется через представление этнических связей, через культурную общность народов одного региона, через конфессиональную специфику группы народов. Каждый из этих вариантов, на наш взгляд, является важным шагом в преодолении кризиса показа этнографических предметов в условиях быстро меняющегося мира. Отвечая вызову времени, музей вводит в экспозиционное пространство инновационные технологии: информационные панели, аудио-сопровождение, трансляцию коротких фильмов. Безусловно, технологическая сторона экспозиции на сегодняшний день является важной частью процесса восприятия экспозиции посетителем. Поиск и, порой, возвращение к формам, заложенным в музей еще архитектором В.Ф. Свиньиным – например,

освобождение перегороженных ранее арок – являются частью процесса внутренней рефлексии музея на свою историю.

Последние годы Этнографический музей провел ряд разных временных выставок, посвященных истории музея: выставка «Из коллекции С.И. Руденко» (2005 г.), «На переломе эпох: к 125-летию со дня рождения Давида Алексеевича Золотарёва» (2011 г.), «К 100-летию со дня рождения Студенецкой Е.Н. – музейного деятеля, ученого-кавказоведа» (2013 г.), «К людям ради людей. Музей и его собиратели» (2014 г.), «Дмитрий Клеменц. Рождение музея» (2014 г.), «Он построил наш дом. К 150-летию со дня рождения со дня рождения архитектора высочайшего двора Василия Фёдоровича Свиньина» (2015 г.), «Российский этнографический музей: хроника военных лет» (2015 г.). Все эти выставки в той или иной степени наполнены рефлексией музей: необходимо осмыслить опыт прошлых десятилетий для того, чтобы идти дальше.

Во многом, на сегодняшний день начинается возвращение к тем идеям, которые были заложены создателями музея. Экспозиции презентуют преимущественно тот период в истории, с которого начинался Этнографический отдел: конец XIX – начало XX века, но их вид и значение, безусловно, другие. Для экспозиционеров начала XX в. экспозиция была второстепенной в сравнении с собиранием коллекций и их хранением. Высокий статус музейной экспозиции является советским наследием. Вещеведческий показ начала XX в. также отличается от показа бытового, который был разработан и реализован в советское время.

Еще одной важной особенностью современного экспозиционного пространства музея является параллельное существование экспозиций, построенных в советское время, и экспозиций, созданных в постсоветский период. Несмотря на то, что эти экспозиции отличаются и по смыслу (разные объекты показа) и визуально, в то же время их объединяет нейтральность этнографических образов: посетитель вряд ли отличит идеологические и

научные различия, стоящие за каждой из этих экспозиций. Лишенные ярких советских экспликаций и идеологического содержания в экскурсионном сопровождении, экспозиции презентуют то, что посетитель «считывает» как культуру разных народов страны, обращая внимание на те или иные аттрактивные экспонаты, антропологические манекены и постановочные сцены. «Перекодировка» экспозиций после распада СССР, на наш взгляд, является очевидной только для специалиста или подготовленного посетителя. Как пишет Д.А. Баранов: «Представленные на этнографических экспозициях культуры, а точнее - их образы, воспринимаются посетителями как объективная реальность. Иллюзия достоверности изображения этнографической действительности основывается на взгляде на предметы как “документы эпохи”, “овеществленные реалии культуры”»²⁶. Таким образом, посетитель вряд ли осознает противоречивость современного экспозиционного пространства, где отдельный показ по этносам соседствует с региональным показом этнических культур.

Заключение

Российский этнографический музей начинал свой путь как часть имперского проекта, задачей которого было презентовать благородный образ Российской империи в сфере осуществляемой национальной политики. Он должен был посредством собранных этнографических коллекций иллюстрировать бесконфликтное совместное проживание народов Российской империи. Изучая опыт этнографических музеев зарубежья и

²⁶ Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология социальных перемен: сборник статей: к 70-летию Валерия Александровича Тишкова / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Эльза-Баир Гучинова, Галина Комарова]. М., 2011. С. 414.

воспринимая его, сотрудники Этнографического отдела стремились показать культурное многообразие страны, но за этим стремлением стояло восприятие внутренних колоний Российской империи, как экзотических, «других». В таком случае, идеологическую составляющую Этнографического отдела нельзя недооценивать, хотя порой она теряется на фоне установок музея в советское время. В советское время, когда произошло непосредственное открытие экспозиций для публики, акцент с лидирующей роли собирательства перемещается на экспозиционное строительство. Экспозиции 1920-х гг. – это, во многом, экспозиции, рефлексирующие на дореволюционный период.²⁷

К концу 1920-х гг. ситуация меняется, начинается усиление политического режима. Проходит первый музейный съезд 1930 г., который определяет место музеев в процессе классовой борьбы. Экспозиции 1930-х гг. двусоставные – одна часть посвящена этнографической реальности дореволюционного периода, вторая – советской действительности. Победа в Великой Отечественной войне и освободительный поход Красной Армии послужили факторами изменения в курсе национальной политики СССР послевоенного периода, и эти изменения нашли свое отражение в экспозициях Государственного музея этнографии, чьей миссией было отражать национальную политику страны. Изменения заключались, прежде всего, в укоренении и развитии идеи дружбы славянских народов. В 1948 г. музей провел первую масштабную выставку «Народное искусство и национальная одежда славянских народов». Также для послевоенного периода характерны изменения в статусе музея – после упразднения Центрального музея народоведения в Москве в 1948 г., ГМЭ становится единственным музеем в стране, специализирующимся на этнографии народов СССР. В 1956 г. был принят генеральный план музея, который обозначил ряд дальнейших стратегий, в том числе и в сфере экспозиционного

²⁷ Герасименко Е.Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923-1927 гг. // Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб-Кишинев, 2002.

строительства. Для периода 1950-60-х гг. характерно активное экспозиционное строительство, которое было связано как с необходимостью восстановления экспозиций после войны, так и с обновлением научных взглядов в области этнографии и музеологии. Главным событием становится построение отдельных экспозиций, посвященных современности – советскому периоду. Тема показа современности является одной из самых дискуссионных для послевоенного периода и находит свое отражение в текстах исследователей того периода (Е.А. Мильштейн, А.С. Бежкович, Е.Н. Студенецкая, Т.А. Крюкова и другие). Для периода 1970-80-х гг. характерна достаточная внутренняя инертность, экспозиционное пространство остается практически неизменным. 1990-е гг. – период перемен, после распада СССР происходит внутренняя ломка экспозиции музея, происходит переосмысление опыта предыдущих десятилетий. Музей начинает поиск новых форм показа. Важным событием является создание в Российском этнографическом музее масштабной экспозиции, посвященной еврейской культуре, что стало первым подобным явлением в культурной жизни России.

Сегодня Российский этнографический музей продолжает заниматься экспозиционным строительством: проектируются новые экспозиции, посвященные культуре народов Сибири и народов Поволжья. Постепенно из музея уходят черты советского экспозиционного строительства, через какое-то время музей будет состоять из экспозиций, построенных уже в постсоветский период. Несмотря на необходимость подобной внутренней динамики, экспозиции советской эпохи стали по-своему самостоятельными памятниками не только этнографической реальности того или иного периода, но и свидетельствами экспозиционного строительства 1970-х гг. Многие петербуржцев связывают с Этнографическим музеем собственные воспоминания из прошлого, со старыми экспозициями формируются свои, устоявшиеся годами отношения.

Язык музейной экспозиции сегодня меняется: происходит определенный переход от показа этнографических комплексов к показу зрелищных, наиболее аттрактивных сцен, но, в то же время, музей сохраняет внутренний баланс экспозиционного строительства, совмещая и научное, и политическое. На наш взгляд, музей вряд ли решится в ближайшее время на полное переосмысление объекта показа и замену бытовых сцен на показ отдельных предметов, как это произошло в музее на набережной Бранли в Париже, но необходимость поиска дальнейших путей развития осознается коллективом музея и работа в данной области происходит постоянно.

Список источников

1. Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. Докладная записка и ведомость о подготовительных работах по открытию Этнографического отдела. 1921.
2. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 129. План экспозиции «Евреи» с зарисовками этнографических вещей.
3. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Общий план экскурсий по музею, программы и тезисы экскурсий «Народы СССР». 1923-1932.
4. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Планы экспозиционной и экспедиционной работы Этнографического отдела Русского музея на 1928-1932 гг.
5. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 362. Материалы (протоколы, докладные записки) о С.И. Руденко и его влиянии на экспозиционную деятельность музея. 1931-1932.
6. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 368. План экспозиции «Русское кулачество на Алтае». 1931.
7. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 383. Письма к А.Я. Дуйсбург от частных лиц и научных сотрудников музеев по вопросу собрания этнографических материалов и устройства экспедиций. 1931-1956.
8. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 386. Книга отзывов посетителей об экспозициях музея. 1931-1932.

9. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 726. Проект генерального плана размещения экспозиций в музее 1939.
10. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 730. План экспозиции «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии» и список коллекционных предметов, находящихся на выставке. 1939-1940.
11. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 837. Протокол внутреннего просмотра экспозиций «Карело-Финская ССР» и материалы к нему. 1941.
12. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 877. Тематико-экспозиционный план по разделу «Украинцы» с фотографией. 1943.
13. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 930. Объяснительная записка к заявке на переоборудование музея экспозиционной мебелью, утраченной во время Отечественной войны; список и чертежи мебели. 1946.
14. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1046. Об экспозиционной направленности Гос. Музея этнографии народов СССР (тезисы докл. Е.А. Мильштейн). 1950.
15. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. д. 1099. Стенографический отчет совещания по обсуждению тематического плана экспозиции «Русский народ». 1952.
16. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1101. План экспозиции «Туркмены» (конец XIX-XX вв.). 1952.
17. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1157. Доклад А.С. Бежкович «Основные принципы построения экспозиций в этнографических музеях». 1954.
18. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1202. Выписки из протоколов заседаний художественного совета Оформительского комбината при ГМЭ. 1955-1961.
19. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1331. Тематико-экспозиционный план выставки «Украинцы» (XIX-нач. XX в.), составленный А.С. Бежковичем. 1959.

- 20.АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1684. Д.А. Горб. Тематический и тематико-экспозиционный планы «Литовцы XIX – нач. XX вв.». 1970-1971.
- 21.АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1841. Тематико-экспозиционный план «Народы Поволжья и Приуралья (XIX-нач. XX вв.)». 1976.
- 22.Труды первого всероссийского музейного съезда. Протоколы пленарных заседаний 1-5 декабря 1930 г. Под ред. И.К. Луппола. Т. 1. М., 1931.

Список использованных фотоматериалов из фототеки РЭМ, фонд «История музея»

1. ИМ1-34
2. ИМ3-2
3. ИМ3-5
4. ИМ3-7
5. ИМ3-13
6. ИМ3-19
7. ИМ3-22
8. ИМ3-24
9. ИМ3-36
- 10.ИМ3-48
- 11.ИМ3-101
- 12.ИМ4-45
- 13.ИМ4-47

- 14.ИМ4-70
- 15.ИМ4-152
- 16.ИМ4-263
- 17.ИМ5-1
- 18.ИМ5-6
- 19.ИМ5-22
- 20.ИМ5-25
- 21.ИМ10-21

Список бесед с сотрудниками РЭМ

1. Беседа с Дмитриевым В.А. 19.04.2017.
2. Беседа с Емельяненко Т.Г. 20.12.2016.
3. Беседа с Лойко Л.М. 20.05.2016.
4. Беседа с Романовой Г.Н. 21.11.2016.
5. Беседа со Слестниковой Л.А. 23.11.2016.

Список литературы

1. Авижанская С.А. Новые экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1978. № 1. — С. 155-159.
2. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М.: Наследие, 1994. — 288 с.

3. Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология социальных перемен: сборник статей: к 70-летию Валерия Александровича Тишкова / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Эльза-Баир Гучинова, Галина Комарова]. Москва : РОССПЕН, 2011. — 757 с.
4. Баранова И.И. Показ современности в государственном музее этнографии народов СССР [поиски и проблемы] // Советская этнография. 1981. № 2. — С. 25-35.
5. Бертран Ф. Наука без объекта? Советская этнография 1920-30-х гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. — С. 165-179.
6. Воронова М.В. Российский этнографический музей как объект государственной охраны // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 108-116.
7. Герасименко Е.Е. Первая экспозиция Этнографического отдела. 1923—1927 гг. // Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. — С. 336-341.
8. Грусман В.М., Дмитриев В.А. Этнографический отдел Русского музея и концепция национального музея // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1. — С. 10-27.
9. Дмитриев В.А., Попова Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. — С. 86-98.

10. Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901-1930-е гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 832 с.
11. Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. — С. 144-160.
12. Копанева А.Н. Материалы Архива Российского этнографического музея, связанные с деятельностью В.Ф. Свиньина в период строительства здания Этнографического отдела Русского музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 85-91.
13. Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. «Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти» // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. — С. 9-120.
14. Крыжановский Б.Г. Принципы экспозиции этнографического музея // Музейное дело, вып. IV. Л., 1926. — 20 с.
15. Миллер А.А. Музейная мебель и ее оборудование // Музейное дело, № 2. Ленинград, 1925. — 37 с.
16. Мильштейн Е.А. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. 1950. № 1. — С. 195-197.
17. Орлова Е.П. Новая экспозиция в Государственном музее этнографии народов СССР // Советская этнография. № 4. 1952. — С. 187-192.
18. Первак В.Э. Реставрация здания Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 103-107.
19. Перскевич З.А. Русский музей императора Александра III: здание для Этнографического и Памятного отделов. 1900-1917 // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 64-75.

20. Решетов А.М. А.С. Бежкович – этнограф и музеевед // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006-2007 / отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб., 2007. — С. 271-275.
21. Романова Г.Н. Горельеф мраморного зала РЭМ // Живая старина. 1999. № 3. — С. 43-44.
22. Романова Г.Н. История строительства здания Этнографического музея // Российский этнографический музей (1902-2002). Санкт-Петербург, 2001. — С. 13-17.
23. Романова Г.Н. «Он построил наш дом». Выставка к 150-летию со дня рождения архитектора Высочайшего двора Василий Фёдоровича Свиньина // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 117-123.
24. Романова Г.Н. Памятный зал – история проектирования и строительства // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 76-84.
25. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромля // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. — С. 3-22.
26. Сазонова М.В. Государственный музей этнографии народов СССР // Советская этнография. № 2. 1963. — С. 19-29.
27. Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. № 2. 1993. — С. 113-125.
28. Фишман О.М. Экспозиция «Народы Северо-Запада и Прибалтики. XVIII-XX вв.» в Российском этнографическом музее: новые принципы построения // Этнографическое обозрение. № 5. 2004. — С. 145-150.
29. Хартанович М.В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. — С. 116-122.

- 30.Шангина И.И. 1914-1921 // Российский этнографический музей (1902-2002). СПб: Славия, 2001. — С. 30-31.
- 31.Шангина И.И.1930-е годы // Российский этнографический музей (1902-2002). СПб: Славия, 2001. — С. 40-49.
- 32.Шангина И.И. Вещевой фонд Музея народов СССР в Российском этнографическом музее: опыт источниковедческого анализа // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 2. — С. 6-19.
- 33.Шангина И.И. Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий //Материалы международной научной конференции «Музей. Традиции. Этничность, XX-XXI века». СПб.: Кишинев: Nestor-Historia, 2002. — С. 12-23.
- 34.Шокуров-Свиньин А.А. Неизвестные страницы биографии В.Ф. Свиньина // Музей. Традиции. Этничность. 2015. № 1. — С. 92-102.
- 35.Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М., 2016. — 224 с.
- 36.Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 960 с.
- 37.An Empire Of Others. Creating ethnographic knowledge in Imperial Russia and the USSR. Edited by Roland Cvetkovski and Alexis Hofmesiter. Central European University Press. Budapest – New York. 2014. — 407 p.
- 38.Bennet T. The Exhibitionary Complex // Thinking About Exhibition. Ed. Reesa Greenberg, Sandy Narine, and Bruce W. Ferguson. New York: Routledge, 1996. Pp. 81-112.

39. Bennet T. The Political Rationality of the Museum // Continuum: The Australian Journal of Media & Culture. Vol. 3, No. 1, 1990. <http://www.mcc.murdoch.edu.au/readingroom/3.1/Bennett.html>
40. Hirsh F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Cornell University Press. New York. 2005. — 367 с.
41. Hooper-Greenhill E. Museums and The Shaping of Knowledge. Psychology Press. 1992. — 232 p.
42. Macdonald S. Exhibitions of Power and Powers of Exhibition. An introduction to the politics of display // Museums and their Communities. Edited by Sheila Watson. London and New York: Routledge. 2007. Pp. 176-196.

Ссылки

1. Н.Г. Таланов // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). <http://politike.ru/termin/talanov-nikolai-georgievich.html>
2. Липкин М. Еврейские музеи мира. <http://www.lechaim.ru/ARHIV/248/lipkin.htm>
3. Официальный сайт Российского этнографического музея: <http://www.ethnomuseum.ru/ekspoziciya-istoriya-i-kultura-evreev-rossii>
4. Этнографический музей снова открывает Среднюю Азию и Казахстан: <http://m.fontanka.ru/2009/05/21/045/>
5. «Меж двух миров». Выставка к 150-летию со дня рождения С. А. Анского. <http://www.magazineconsul.ru/archive/35/mezhdunarodnyij-proekt/%C2%ABmezh-dvux-mirov%C2%BB.-vyistavka-k-150-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-s.-a.-an-skogo-natalya-prokopeva.html>

6. Смирнов Н. Временный музей. <http://booknik.ru/today/all/vremennyi-muzei/>